

INSPIRIA

Хороши в постели



ДЖЕННИФЕР ВАЙНЕР



INSPIRIA

Дженнифер Вайнер
Хороши в постели
Серия «Circake. Родственные души»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68451941

*Хороши в постели:
ISBN 978-5-04-177149-2*

Аннотация

Даже в самые темные времена можно найти то, что излучает свет. Роман «Хороши в постели» – тот самый случай.

Кэнни Шапиро никогда не жаловалась на жизнь: прекрасная работа, верные подруги, любимая собака. Да, Кэнни не отличается изяществом форм, но это ничуть не убавляет ее уверенности в себе. Но в один день все меняется.

Брюс, бывший парень Кэнни, ведущий в модном журнале рубрику «Хороши в постели», решил встряхнуть на публике их грязное белье и опубликовал статью «Любовь с пышной дамой».

Это будет долгий год, в течение которого Кэнни придется примириться с прошлым, чтобы заглянуть в будущее. А главное, Кэнни предстоит понять: несмотря ни на что, жизнь прекрасна.

Семья – это не только родственные связи. Семейей становятся те, кого вы решили любить.

«Безумно смешно и удивительно нежно». – Cosmopolitan

«Забавная история о девушке, которая побеждает свою одержимость едой, фигурой, семьей и встречает симпатичного еврейского парня – умного и стильного». – Glamour

«Кэнни – одна из самых привлекательных и реалистичных героинь последних лет». – Entertainment Weekly

Содержание

Вступление	6
Часть первая	33
1	33
2	67
3	83
4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Дженнифер Вайнер

Хороши в постели

© Гусакова К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Моей семье

*И грустен дом. Последнего ушедшего комфорт,
Оставленный в моменте предзабвенья.
Он жаждал бы вернуть обратно всех,
Но вместо этого лишен возможности мгновенья
Продолжить. И сердце подарить кому-то,
Вернуться снова к самому началу.
Вернуться к радости ушедшей почему-то.
Взгляни на фото и на разложенное серебро,
Там музыка застыла у ф-но. И эта ваза... как
давно.*

Филип Ларкин

*Любовь – это ничто, ничто, ничто из того, что
о ней говорят.
Лиз Фэр*

Вступление

Давным-давно жила-была девушка, которая работала в большом городе.

Девушка – то есть я, а произошло это тринадцать лет назад в далеком 1998 году – была еще зеленой малышкой двадцати восьми лет. У меня была отличная квартира в этом большом городе, любимая работа репортера в «Филадельфия инкуайрер» и свободное время, в которое я писала художественную литературу.

У меня была компания замечательных друзей и коллег: веселых, циничных идеалистов. У меня была собака, которую я обожала, – трясущийся кроха рэт-терьер, изящный и нервный, который лежал на моей постели, скрестив лапы, и смотрел, как я одеваюсь, с глубоким ужасом на маленькой усатой мордочке, словно думал: «Ох. О нет. Ну пожалуйста. Только не вот это».

В целом жизнь была очень даже замечательной. А вот личная жизнь – сплошной катастрофой.

Я выросла в живописном пригороде Коннектикута, старшая из четырех детей девочка-заучка, которой обычно приходилось справляться с той или иной слишком уж огромной частью тела (слишком крупным для такого лица носом, слишком большой для двенадцатилетки грудью, да и в целом телом, которое, вообще говоря, было куда объемнее, чем

следовало).

Родители меня любили. Но управляясь с еще тремя детьми, мать бывала не особо внимательна, а отец, психиатр по профессии, склонный к саркастическим высказываниям и мрачным настроениям, редко скупился на слова, если хотел дать мне понять, что я его чем-то разочаровала – учебной в школе, внешним видом, отчаянными попытками общаться с детьми моего возраста.

Моей опорой и спасением стало чтение. Эдакое укромное местечко, куда я могла заползти и спрятаться от непонятного мира; одеяло, в которое я могла закутаться. Я жила в окружении книг – медицинских учебников, толстых биографий и романов, сложенных стопками на полках из необработанных досок и шлакоблоков в доме-ранчо на Симсбери-Мэнор-драйв, и потом, когда мы переехали, на встроенных книжных полках в общих комнатах более просторного колониального дома с четырьмя спальнями на Харвест-Хилл.

Родители накопили сотни книг, и все они были свалены на эти полки: твердые переплеты и мягкие, учебники и бестселлеры, Сильвия Плат и Дорис Лессинг, Генри Киссинджер и Дэвид Хэлберстам, Сол Беллоу и Филип Рот. Модное чтиво, справочная литература, «Вдова» Линн Кейн с яркими описаниями смерти ее мужа от рака толстой кишки, после которых мне снились кошмары, и нечто под названием «Детская история мира» – все это было там, все это было доступно. Нас четверых поощряли читать все, что нам захочется, но

при условии, что мы сможем доказать родителям, что понимаем прочитанное.

Помню, как сунула нос в отцовские пахнувшие химикатами книги по медицине, потому что – ну дык! – там были картинки с голыми людьми. В результате я и по сей день знаю о «недугах гениталий» куда больше, чем стоит человеку без медицинского образования.

В промежутках между продолжением своего полового воспитания я читала романы и эссе, «Нью-Йоркер» и «Нью-Йорк таймс», научную фантастику и томики «Стар Трека» и Стивена Кинга, которые покупала на собственные деньги в букинистическом магазине в Кантоне. Я по максимуму использовала библиотечную карточку, набивая книгами бумажные продуктовые пакеты. Я читала в любой удобный момент и неудобный тоже – например, во время диктанта во втором классе.

И хоть я, возможно, и была читателем мирового класса, найти общий язык со сверстниками мне не удавалось. Я перешла из второго класса в четвертый в эпоху, когда ребенка стремились скорее загрузить знаниями, нежели помочь вписаться в общество. Моим новым одноклассникам, всем из себя вроде как привлекательным и шикарным, непринужденным друг с другом и с окружающим миром, мои шутки не казались смешными. Они меня не понимали, а я в ответ, вероятно, относилась к ним довольно надменно и пренебрежительно.

Но меня понимали и поощряли некоторые учителя. Помню, учительница в первом классе давала мне бумагу и позволяла оставаться за партой и писать рассказы, а не выходить на перемену, где другие дети пялились на меня, словно я – метеорит, который только что рухнул на площадку для игры в вышибалы прямо из космоса, дымящийся и вонючий. Но в двенадцать, тринадцать и четырнадцать лет похвала учителей и хорошие отметки за тесты – так себе утешение, ведь на самом деле тебе хочется быть популярной (или хотя бы занять парочку друзей) и чтобы мальчишки считали тебя симпатичной (или хотя бы не совсем ужасной), хочется непоколебимо верить, в глубине души, что в мире есть хотя бы один мужчина – твой отец, – который считает тебя красивой и достойной любви.

К шестнадцати годам и окончанию старшей школы я начала понимать что к чему. У меня появились друзья, которые все же смеялись над моими шутками, потому что я научилась подгонять свое поведение под общественное потребление. У меня появился первый парень, и я наконец получила водительские права, и попала в команду по гребле, и каталась на лыжах зимой в составе команды по лыжному кроссу (моя старшая школа входила в число немногих государственных школ страны, которые предлагали как греблю, так и лыжный кросс). На горизонте маячил колледж, а за ним виднелись угрожающие очертания жизни – настоящей, взрослой жизни. Я знала, что найду еще больше «своих» лю-

дей. Я сбегу из пригорода, буду путешествовать, жить в больших городах, находить приключения и влюбляться.

Той осенью, когда мы возвращались из поездки в Принстон и Пенсильванский университет, мать сказала, что отец уходит. А дома тот все усугубил, объяснив, что не желает быть не только мужем, но и отцом. «Думайте обо мне скорее как о дядюшке», – наставлял он нас, прежде чем исчезнуть на месяцы, а иногда и годы. Периодически он появлялся собственной персоной и заплетающимся языком принимался разглагольствовать, как плохо с ним обращалась наша мать... а однажды, когда мне было двадцать пять, он явился, чтобы пригласить меня на свою свадьбу с женщиной скорее моего возраста, чем его. Временами он влипал в проблемы с законом, и мы узнавали, где он и чем занимался, из газет. Однажды он загремел в тюрьму. Был нормальным человеком в браке с детьми, но медленно и печально скатился и стал тем, кто вызывает желание перейти улицу, лишь бы избежать встречи. В какой степени его упадничество, деградация и в конечном итоге смерть в 2008 году в возрасте шестидесяти шести лет связаны с психическими заболеваниями, самолечением и зависимостью, я уже никогда не узнаю. Когда он ушел, когда мне было шестнадцать, он отделился от нас и стал чужим человеком. Он так и не встретился с тем, кто однажды на мне женится, не увидел моих детей, и он совсем не знал меня взрослой.

Не желая отставать, мать в возрасте пятидесяти четырех

лет тоже нашла себе молодую любовь – женщину, с которой познакомилась в бассейне еврейского общинного центра в Уэст-Хартфорде. С тех пор я ни разу не сунулась в воду. Всякий раз, как я приезжаю домой, мать спрашивает:

«Дженни, хочешь поплавать?»

«Ни за что», – отвечаю я.

«Это не заразно!» – шутит она.

«Еще не доказали», – отбрываю я.

Новый роман случайно вскрыл мой младший брат, когда приехал домой из колледжа постирать вещи, принялся рыться в ванной в поисках кусачек для ногтей и обнаружил пачку любовных писем. С тех пор нам стало невероятно легко выбирать ему подарки – теперь мы каждый год вручаем ему кусачки.

Это были мои родители, моя история, но не я сама. Я думала, что тяжелый труд и усердие рано или поздно приведут меня туда, где упоротая семья уже не будет иметь значения, не сможет больше причинить мне боль. В свои двадцать с небольшим я проделала путь от редакции маленькой газеты до средней и, наконец, попала в «Инкуайрер», где писала статьи и рецензии о телевидении, поп-культуре, поколении X, Голливуде и моей неиссякаемой необъяснимой любви к Адаму Сэндлеру. Я сочиняла короткие рассказы, которые попадали в печать, и пыталась выдавать романы, которые туда не попадали, а еще сценарии, журнальные колонки и все остальное, что только могла найти или хотя бы представить

на рынке. Я была профессионально успешна, продуктивна и, по всем внешним проявлениям, счастлива. Я пережила бурное детство. Я пережила родителей — отсутствие отца, новую жизни матери. Я могла, как мне казалось, пережить что угодно.

То, что чуть меня не погубило, оказалось совершенно банальным, заурядным расставанием. Это как победить в марафоне, а потом очутиться в больнице, потому что споткнулся о бордюр по дороге домой.

Я несколько лет встречалась с парнем. Разрыв назревал уже давно, и я была его инициатором: я подозревала, что наша потрясающая химия все-таки не перекрывает то, что по большей части мне не особенно нравилось находиться в его обществе. Он был репортером газеты в соседнем штате, неплохим парнем, веселым и отзывчивым, однако по каким-то непостижимым причинам, по которым друг другу не подходят два человека, которые по всем параметрам вообще-то должны, он, так сказать, действовал мне на нервы.

Так вот, мы расстались, и некоторое время со мной все было хорошо... пока через пару-тройку недель мой разум не сыграл злейшую шутку и не убедил меня, что я просто обязана снова сойтись с этим парнем. Что он, вообще-то, единственный, кто когда-либо меня любил, или понимал, или желал видеть обнаженной. Что, если мне не удастся убедить этого парня вернуться ко мне, я навсегда останусь одна, и моя жизнь оборвется какой-нибудь ужасной, шаблон-

ной смертью одинокой девушки, в пустой одинокой квартире, и собака обглодает мое лицо... а собака у меня, как вы помните, очень маленькая. Обглаживание наверняка будет очень и очень небыстрым.

Я забросила удочку. Парень, разумеется, совершенно не горел желанием возобновлять наши отношения. Его жизнь уже двигалась дальше. Он был счастлив. А я сходила с ума. Не могла спать, не могла сосредоточиться, не могла перестать о нем думать. На работе я по десять раз на дню проверяла голосовую почту, вдруг он звонил. Следила за гороскопом и заливалась слезами, если ему светил благоприятный для любви период. Штудировала зарождающийся веб-сайт его газеты в поисках намеков на то, чем он там занимается и с кем. Приказывала себе не думать о нем, но от этого мыслей становилось лишь больше.

Однажды поздно ночью, после месяцев отчаянного воздержания – я отмечала жирным красным крестиком каждый божий день, когда ухитрялась устоять и не позвонить, – я набрала его номер. Он ответил после первого же гудка, а значит, уже лежал в постели (дело было в ту эпоху, когда портативные телефоны еще не распространились повсеместно, и его аппарат, уходящий проводами в стену, располагался на прикроватной тумбочке). По голосу, еще до того, как он сказал это вслух, было ясно: он не один.

Я кое-как выдавила подобие извинения, бросила трубку, села, полностью одетая, на унитаз, сгорбилась, обхватила ко-

лени и расплакалась, уверенная, что умру и смерть будет желанным избавлением от мучившей меня боли. Как люди такое переживали, гадала я. Как проходили через такое и продолжали пытаться снова полюбить?

Спустя полгода страданий, слез и бесконечной одержимости – шесть месяцев, на протяжении которых я была убеждена, что радио у меня в машине программировал сам Господь Бог и проигрывал песни ровнехонько под мое состояние; шесть месяцев подпевания «*My Heart Will Go On*» с плохим франко-канадским акцентом – нечто внутри меня подняло голову и сказала твердо и ясно: довольно.

Нужно было что-то сделать, забыть его, перестать прокручивать в голове каждый наш разговор, каждую проведенную вместе ночь, каждое наше решение, которое привело нас к тому, что он обрел счастье с социальной работницей (Социальной работницей? Серьезно?!), а я осталась одна.

Поэтому я задала себе вопрос: что я умею? И получила ответ: рассказывать истории.

Я читала всю жизнь. В колледже моим основным направлением был английский, и я с удовольствием перепробовала всех, от Мильтона до Шекспира и современных британских поэтов, записывалась на все курсы по сочинению художественных и документальных текстов, на какие только могла. С того дня как я начала работать в своей первой крошечной газете, где в мои обязанности входило печатать меню школьных обедов и освещать темы от заседаний школьного

же совета до разоряющего местные кукурузные поля медведя, мне понравилось быть репортером, выходить с блокнотом в мир, обращать внимание на то, что люди говорят, что они носят, какие машины водят, на позы и акценты, на то, как люди стоят и как звучат, когда лгут.

В первые ужасные месяцы после разрыва я прочитала статью в журнале «Нью-Йорк» – уверена, он до сих пор хранится у меня где-то в коробке или папке – о первой волне романов, посвященных незамужним девушкам в больших городах. На обложке, под заголовком «Новая звезда литературной тусовки!» красовалась женщина в стиле комиксов Роя Лихтенштейна, развязная блондинка с бокалом красного вина и облачком со словами: «Муж? Вообще-то мне нужен ли-тагент!»

В статье обсуждались «Дневник Бриджит Джонс», «К сожалению, занят», «Руководство по охоте и рыбалке для девочек» и «В мире напитков», книги о молодых женщинах и их приключениях; книги, которые в то смутное и далекое время были – представьте только! – просто романами, не обремененными одиозным ярлыком «чиклит», дамским чтивом. Смешные, легкие, с жизненными сюжетными линиями и добросердечностью, написанные откровенным, непри-нужденным стилем, таким похожим на письма, которыми я только начала обмениваться с подружками (в то время как раз изобрели электронную почту), или эссе, которые я поглощала, за авторством Норы Эфрон и Фрэн Лебовиц, ост-

роумных, саркастичных журналисток с Восточного побережья, превратившихся в очеркисток, чей язвительный, мрачный, но полный надежды взгляд на мир совпадал с моим.

Я читала и перечитывала все полюбившиеся книги, уделяя особое внимание главной любимице, Сьюзен Айзекс. В ее романах умные, но не обязательно ослепительно красивые еврейские девушки покоряли мир, переживали великие приключения и всегда в конце получали своего мужчину. Я, с присущим только двадцативосьмилетним людям высокомерием, считала, что тоже так могу.

У меня был компьютер «Макинтош Классик», купленный в последний год колледжа. У меня был складной карточный столик на металлических ножках, накрытый сине-белой тканью с индийским принтом, во второй спальне моей квартиры на третьем этаже кирпичного жилого дома на Монро-стрит в районе Куин-Виллидж в Филадельфии. И у меня, благодаря недавнему разрыву, была куча свободного времени.

Поэтому я задалась целью написать историю о девушке, очень похожей на меня, и парне, очень похожем на Сатану; историю, в которой девушка обретает свой сказочный хеппи-энд, славу, богатство и мужчину, который ее любит, потому как в то время я серьезно сомневалась, что когда-либо сама обрету что-нибудь из этого списка. Я была преисполнена уверенности человека, никогда прежде не писавшего законченный роман: ни редактора, ни агента, ни читателей, ожидающих, что же я там придумаю. Только я, компью-

тер и персонажи в моей голове.

У меня было представление о том, какой должна стать история, в общих чертах основанное на подоплеке из «Света во тьме», одного из моих любимых романов Айзекс: молодая женщина тоскует не по тому мужчине, пока правильный парень ждет своего часа... и в перерывах между романтическими метаниями она становится героем. Линда Восс у Айзекс, будучи шпионкой в Германии времен Второй мировой войны, спасла мир. Я столь грандиозных амбиций насчет своей Кэнни Шапиро не питала. Если бы я наделила ее счастьем, успехом среди друзей, карьерой и любовной историей – этого уже было бы вполне достаточно. Я сделала бы Кэнни такой же большой девочкой размера икс-икс-эль, получившей свой хеппи-энд, чья потеря веса – трагедия, а не ключ к светлому будущему. В 1998-м, в год скандала Клинтона/Левински, когда больше всего пострадал не президент, а та, с которой он изменял; пострадала не за ложь, измены и злоупотребление властью, а за непростительный грех не быть худышкой, сама мысль, что крупная девочка способна стать главной героиней истории, не подвергаясь волшебному преображению, была (и, к сожалению, продолжает быть) довольно дерзновенной.

О, у меня было еще кое-что: название.

За год или два до этого я встречалась с коллегой-фрилансером, который в итоге получил работу в «Космополитен» и вел там колонку, явно положенную каждому дамскому из-

данию по закону: где мужчина рассказывает ВСЕ, раскрывает ДЕСЯТЬ ТОЧЕК, где его нужно касаться, или ПЯТЬ ПРИЕМОВ, от которых он будет визжать как сучка, или ТРИ УЛОВКИ, которые следует попробовать сегодня в постели (нумерация уловок, приемов и доселе нераскрытых эрогенных зон по какой-то причине стала неотъемлемым компонентом подобных материалов). Помню, как глянула на статью, заметила имя автора и, пожав плечами, подумала, что если этот парень и был гением секса, то в отношениях со мной отлично это скрывал.

Но затем я задалась вопросом: что, если бы ты была девушкой, которая рассталась с кавалером, а он потом опубликовал колонку мужских откровений в журнале а-ля «Космо»? Что, если он бы начал писать о тебе – о том, как ты занимаешься любовью, о твоём теле, твоих бзиках насчет секса и своего тела, – и все ваши общие знакомые об этом догадались? Как бы ты это пережила? Как бы поступила?

Многообещающая, как показалось, основа для книги; книги, которая будет называться в честь колонки мужских откровений в моем вымышленном журнале: «Хороши в постели».

У меня ушло девять месяцев, от начала и до конца, на черновик из пяти сотен страниц с одинарным интервалом; я творила огромными, яростными всплесками в свободной спальне, с главной целью почувствовать себя лучше, выщарапать путь наружу из черной дыры расставания, выбраться

обратно на свет.

Я столького еще не знала, — например, какого объема должна быть книга или что никогда нельзя отправлять издателю рукопись с одинарным интервалом. О чем-то я даже не догадывалась, — например, что книги, написанные женщинами и о женщинах, будут расцениваться как серьезная угроза признанной литературе. Господь свидетель, если бы я об этом знала, то, вероятно, вообще бы не написала эту вещь.

Но я ее написала. А потом сложила в обувную коробку и задвинула под кровать. Через шесть недель вытащила и попыталась оценить ее не как автор, а как читатель. «Может, что-то в этом и есть, — подумала я. — Может, другие люди тоже так посчитают».

Следующим шагом стал поиск агента. В те дни, на самой заре Интернета, когда контакты этого самого агента через Гугл было никак не найти, не говоря уже о верстке, заказе обложки, публикации книги самостоятельно, мне пришлось действовать по старинке: просматривать страницы с посвящениями-благодарностями в любимых романах, выписывать оттуда имена агентов, а потом строчить письма, объясняя, кто я такая и где работаю, у каких выдающихся профессоров обучалась, какие рассказы публиковала и о чем, собственно, «Хороши в постели».

Осенью 1999-го я разослала двадцать пять писем с запросом. К декабрю получила двадцать четыре письма с отказом. В некоторых случаях это были скорее открытки, вмещающие

максимальное количество унижения в минимальные почтовые расходы.

Не берем новых клиентов. Не берем новую художку. Не берем новую художку от женщин. Не берем новую художку от молодых женщин. Спасибо, но нет.

Единственный агент, который в конце концов согласился прочесть, а затем представлять книгу, так и сыпала, как оказалось, не очень полезными предложениями. «А героиня прямо-таки должна быть толстой?» – спросила она, обозначая трудности, которые возникнут при попытке заключить контракт на съемки фильма, если в главной роли будет женщина с пышными формами. Да, сказала я, героиня должна быть толстой, а если нет – получится по сути Бриджит Джонс с бат-мицвой, а такое не захочется читать даже мне. Ладно, фыркнула агент, но можем ли мы вырезать кое-какие постельные сцены с этой толстушкой? Нет, ответила я, не можем. А затем случилась последняя (жирная) капля. Думаю, заявила агент, что нам лучше назвать книгу не «Хороши в постели», а «Толстушка».

Тогда я мало что смыслила в издательском деле, и в мою дверь не ломались другие агенты, жаждущие меня представлять, но зато я всю жизнь читала, я проводила с книгами и в книжных магазинах достаточно времени и понимала, что творение под названием «Хороши в постели» будет ждать совсем иная судьба, чем «Толстушку». Настоящие толстушки – и я в том числе – ни за что не захотели бы носить с собой

томик, озаглавленный «Толстушка», а вот роман «Хороши в постели» явно пролистают даже случайные посетители магазина, пусть и в поисках иллюстраций.

Мы простились с агентом номер раз, и в итоге я нашла агента номер два, восхитительную и миниатюрную Джоанну Пульчини. Мы работали вместе месяцами, редактируя и переписывая, уплотняя и исправляя, прежде чем передать книгу редакторам, многие из которых откликнулись с большим энтузиазмом. Дело закончилось тем, что за права на публикацию книги развели борьбу три разных издательства, и мне пришлось ехать в Нью-Йорк для встречи с ними. Не прошло и недели, как мы вывели ее на рынок, как «Хороши в постели» была продана в мае 2000-го в рамках договора на две книги Грив Хендрикс из тогдашнего «Pocket Books», подразделения «Simon & Schuster»... а я была на седьмом небе от счастья.

В течение года, пока книга медленно продвигалась в сторону публикации, я продолжала работать репортером в «Филладельфия инкуайрер» и встречаться с новым бойфрендом, недавним приятным знакомством. В своих ожиданиях я не завышала планку. Представляла, что выйдет книга, я проведу пару чтений, друзья купят по экземпляру, а моя мать (которая редко раскошеливается на твердый переплет) возьмет оный в библиотеке, ну и на этом, как происходит с большинством книг, и дело с концом. Правда, я и фантазировала, как публикация исправит все неправильное в моей жизни, обес-

печит мне вечное счастье, заткнет всех критиков, особенно тех, кто обитает в моей же голове. Рукопись виделась мне своего рода огненным крестом, которым можно размахивать перед лицом вампиров сего мира, волшебной палочкой, стирающей все сомнения и неуверенность.

Роман «Хороши в постели» такого не мог – никакая книга не могла, по правде говоря, – однако были признаки, что он сумеет тронуть сердца читателей, помимо меня, моих друзей и ближайшей семьи, когда увидит свет.

Помню, как мне впервые позвонила агент и с придыханием выдала: «Мне очень понравилась ваша книга! Зацепила!» Помню, как услышала ее тоненький голосок и подумала: «Как так?» Помню, как редактор сказала, что вся настолько погрузилась в рукопись, что даже пропустила свою станцию метро... а затем, уже месяцы спустя, сообщила, что меня отметила Сюзен Айзекс, назвавшая книгу «историей современной Золушки, рассказанной с умом, острым словом и стилем».

Затем случилось то, что другие писатели в красках описывают как самый радостный момент в жизни любого романиста – я пришла домой и рассказала маме, что книга, о которой та слышала в течение года и сомневалась, пишу ли я ее на самом деле, таки написана и таки будет издана. Конкретно радость, разумеется, продлилась недолго. Со слезами на глазах мама крепко стиснула меня в объятиях и сказала:

– Я так тобой горжусь!

А потом задала неизбежный вопрос:

– И как же ты ее назвала?

– Хороши в постели, – несвойственным мне тихим голосом ответила я.

Мама свела брови.

– Хороши в деле? – с сомнением переспросила она.

– Хороши в постели.

Она распахнула глаза шире.

– Дженни, – произнесла мама, – это ж сколько ты тому исследовала?!

Больше всего мне запомнился день, когда мне позвонила редактор, и ее голос дрожал от едва сдерживаемого нетерпения.

– У меня есть пара вариантов обложки, они обе мне очень нравятся, но одна прямо в сердце запала.

Помню, как топталась перед факсом на работе, ожидая появления снимков. На первом были изображены женские ножки в ванне: ухоженные пальцы покоились на бортике, а остальное тело скрывала пена (если интересно, эта иллюстрация в итоге окажется на книге «Скандальное лето Сисси Леблан»).

А на втором – пара ног, куда более мясистых, чем обычно печатают в журналах или на обложках книг. На первом плане красовались скрещенные голени, позади них виднелись бедра невидимого тела, лежащего на постели. Загорелые, аппетитные, с дерзко-сексуальным красным лаком на ног-

тах. Фон был приятного голубого цвета с отливом, а для заголовка использовали округлый, максимально женственный шрифт: «Хороши в постели». Скандальные, воинственные слова, изображенные поверх ног, которые вы скорее встретите (если вообще обратите на них внимание) на иллюстрации «до» в инструкции по похудению. И кусочек увенчанного клубничкой чизкейка на краю постели, как последний прекрасный штрих, намекающий, что книга у вас в руках сродни восхитительному лакомству.

Дело обстояло в 2000 году, когда в мире книг бестелесные ноги еще не стали клише, от которого все нынче закатывают глаза. Обложка была потрясающей. Свежей, необычной, яркой, она бросалась в глаза и приковывала к себе. Думаю, именно в тот миг, когда я ее увидела, все стало реальностью: я и правда писатель. Эта книга и правда появится в магазинах. У меня и правда получилось.

Книга «Хороши в постели» увидела свет – с достаточной помпой для первого романа никому не известного автора – в мае 2001-го. Реклама книги появилась в «Нью-Йорк таймс бук ревью», издании, которое откажется рецензировать «Хороши в постели» вне общего летнего обзора на женские книги, где Джанет Маслин назовет Кэнни «королевой пляжного чтения на один день в этом сезоне».

Я взяла отпуск за свой счет и отправилась в тур-марафон по стране в поддержку книги. Тогда подобные мероприятия случались гораздо чаще, чем сейчас, и во многих городах я

сидела в книжном магазине одна и болтала с продавцами и менеджером, подписывая для них восемь экземпляров или около того, а потом все так же одна возвращалась в гостиничный номер.

Ближе к завершению тура, в Симсбери, штат Коннектикут, когда я обедала с книжным клубом матери, который ранее всем составом пришел послушать, как я читаю, в ресторан проскользнул мой брат Джо и вручил мне записку, где значилось следующее: «Звонил редактор. 33-е место в списке “Нью-Йорк таймс”».

Помню, как ощутила полный восторг, всеобъемлющее, пусть и недолгое признание, а еще осознание, что какой бы ни оказалась дальнейшая судьба книги или моей карьеры, отныне я всегда могу сказать, что я – автор бестселлера по версии «Нью-Йорк таймс».

Книга хорошо продавалась в твердом переплете, но по-настоящему взлетела, когда вышла весной 2002-го в мягкой обложке и рассказы о ней начали передаваться из уст в уста от матери к дочери, от подруги к подруге, от старшеклассницы к сестре в колледже, которая затем советовала чтиво соседкам по комнате. Роман провисел в списках бестселлеров почти год. Для издания без фильма, без одобрения Опри, без шумихи от критиков, обычно окружающей более громкие литературные проекты, это было потрясающе. Я до сих пор изумляюсь. Все мечтают об успехе, и я, конечно же, не раз предавалась грезам о диванчике у Опри, о вопросах от Бар-

бары Уолтерс или о репортере, которого «Нью-Йорк таймс» отправит написать обо мне такой восторженный очерк, какой предназначался (и по-прежнему предназначается) для молодых авторов мужского пола, которых газета считает достойными своего внимания.

Но в целом я смотрела на мир трезво и оставалась более чем готова продолжать карьеру репортера и просто наслаждаться тем, что моя книга таки увидела свет, что я могу зайти в магазин, подойти к полке с авторами на «В» и сказать: «А вот это написала я». Мысль о том, что когда-нибудь напечатают более миллиона копий этого романа, что женщины, которые, когда я писала, еще были детьми, будут слать мне электронные письма или найдут меня в «Твиттере» и «Фейсбуке»¹, чтобы сказать, как книга помогла им пережить собственные разрывы или проблемные отношения с родственниками, как она показала им, что жизнь даже в паршивой семье и с неприемлемым по габаритам телом все равно может быть счастливой, как она позволила им почувствовать себя не так одиноко... это куда больше, чем я надеялась. До сих пор иногда не верится.

Успех книги позволил мне бросить повседневную работу и полностью посвятить себя написанию художественной литературы, а значит, в сорок лет я стала тем, кем мечтала в детстве.

¹ Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (*Здесь и далее*).

Итак, что изменилось за десять лет... а что нет?

При перечитывании романа меня больше всего поразило то, насколько улучшились технологии. Когда Саманте нужно предупредить Кэнни, что ее бывший пишет об их сексуальной жизни, ей приходится взять телефон и позвонить, а не отправить быстрое сообщение. Когда Кэнни хочет увидеть статью, она встает из-за стола, идет к газетному киоску и покупает бумажный журнал, а не гуглит. Какой олдскул! Как старомодно! Прямо ждешь, что после работы они наденут чепцы и пойдут возводить амбар с другими фермерами!

В мире, где живут персонажи, нет «Фейсбука», где Кэнни тряслась бы над графой «семейное положение» на страничке Брюса, нет ленты в «Твиттере», за которой можно шпионить, нельзя чекиниться, а потому Кэнни не узнает, в каком баре Брюс теперь завсегдатай, а когда он публикует что-то новенькое, Гугл не пришлет ей уведомление. Ни построчить сообщения из дамской комнаты, ни отправить домашним фотки из Лос-Анджелеса. Помогает ли такой прогресс тем, кто изнывает от любви? Делает ли хуже? Облекает ли властью возможность отслеживать каждый шаг, встречу, высказывание возлюбленного, или же было лучше тогда, в дни блаженного неведения конца девяностых и начала двухтысячных? Неясно.

Не считая технического прогресса, мир изменился не так сильно, как некоторые надеялись.

Я пишу эти строки утром 9 марта 2011 года, в Студио-Си-

ти, штат Калифорния, переключаясь между редактированием романа, который увидит свет в этом июле, сценарием ситкома, который выйдет на экраны в июне, и перерывами на почитать новости.

На прошлой неделе известный актер потерял работу: не за годы предполагаемого употребления наркотиков, не за то, что якобы приставил нож к горлу своей тогдашней жены, не за избиение порноактрисы, не за годы возможных угроз и насилия в отношении женщин, а за то, что назвал своего босса (богатого мужчину) клоуном.

Киноактриса, ставшая писателем, а потом артисткой, звезда первой серии эпизодов «Звездных войн», несколько месяцев назад приняла участие в спецвыпуске на канале Эйч-би-оу, в котором закатила глаза в ответ на интернет-критику по поводу увеличения своего веса и сказала, мол, как-то и не осознавала, что обязана всю оставшуюся жизнь возбуждать мальчиков-подростков. Через несколько недель после выхода в эфир этого спецвыпуска она подписала контракт в качестве представительницы коммерческой программы по снижению веса.

На той неделе «Нью-Йорк таймс» опубликовала сюжет о предполагаемом групповом изнасиловании в Техасе: сообщалось, что восемнадцать подростков и молодых людей надругались над одиннадцатилетней девочкой, сняли все на телефоны и распространили видео. Репортер цитировал полных сочувствия соседей, обеспокоенных тем, что «мальчиш-

кам придется с этим жить до конца их дней», добавляя между тем, что девочка одевалась так, будто она куда старше. В газете никто не заявлял открыто, что она «сама напросилась», но эти слова уродливой дымкой витали над каждым предложением.

Не улучшились дела и у обреченной толпы пишущих женщин, о чем свидетельствовало решение «Лос-Анджелес таймс» проиллюстрировать сюжет о Дженнифер Иган, получившей премию Национального круга книжных критиков, фотографией Джонатана Франзена.

В определенных кругах по-прежнему рассматривают чиклит как погибель всея литературы, осуждают за спекуляции опасными фантазиями и распространение лжи.

«Нью-Йорк таймс» продолжает публиковать рецензии на бестселлеры в жанрах детектив и триллер, написанные мужчинами и для мужчин, и закрывать глаза на весь жанр дамского чтения, за исключением случайной фразы в редком сезонном обзоре.

«Таймс» по-прежнему стоит у руля, когда нужно проигнорировать или высмеять книги, написанные женщинами и для женщин, и эту практику переняли многие не принадлежащие к «Таймс» книжные критики, которые обожают давать шороху авторам-женщинам, имеющим наглость жаловаться на недостаточное освещение их книг, мол, они должны довольствоваться популярностью и финансовым успехом, а не смотреть на какого-нибудь Джона Гришэма или Стивена

Кинга и задаваться вопросами, почему те получают и верхние строки рейтингов, и рецензии. Временами, в качестве бонуса, подобные нотации читают на непечатном языке.

У известных писательниц, конечно, много читателей, даже если мы и не получаем большого уважения, и я ничуть не преуменьшаю... но какой сигнал получают массы, если официальное издание отказывается признать, что, с точки зрения его критиков, целой категории популярных книг не существует, потому что ее читают в основном одни женщины?

А что касается полных людей в Америке, то тут мы делаем то шаг вперед, то два назад. На телевидении женщины с размером больше S все еще слишком часто являются забавными лучшими подружками, напарницами, второстепенными персонажами, комическими элементами, но никогда не главными героинями, никогда не звездами. Модели пышных размеров в мире моды по-прежнему такая редкость, что когда одна появилась в «Гламуре» – сидящая обнаженной, с улыбкой и небольшим животиком напоказ, – это превратилось в новость национального масштаба, а модели пришлось оправдываться за свой «спасательный круг» на утренних ток-шоу.

Насмешки и отвращение встречаются куда чаще принятия. Ранее в этом году крупный женский журнал опубликовал пост из блога писательницы, которой было противно смотреть, как обнимаются тучные персонажи ситкома «Майк и Молли». Она сочла «эстетически неприятным» смотреть, как «очень, очень толстый человек просто ходит

по комнате, точно так же, как мне бы подействовал на нервы вид очень пьяного человека, который шатается по бару, или героинового (sic!) наркомана, обмякшего в кресле».

Толстяки приравниваются к пьяницам и наркоманам. Ясно, читатели журналов?

Как мать двух юных девочек, я воспринимаю эти взгляды и предрассудки куда острее, чем раньше, когда была одинока и мне приходилось беспокоиться лишь о собственной самооценке. Что усвоят мои дочери, когда увидят очередную ретушированную фотографию очередной тощей старлетки, когда прочитают об актрисах, которых стыдят за набранный вес или недостаточно быстро сброшенные после беременности килограммы?

Я делаю что могу. Объясняю, как работают фотосессии и Фотошоп. Еще долго после того, как они перестают «интересоваться» и «слушать», рассказываю, что картинки ненастоящие, что даже самая красивая девятнадцатилетняя супер-модель в лучший день своей жизни не выглядит так же идеально, как на снимке, продающем вам бриллианты, лосьон для рук или машину. Рассказываю истории, в которых большая девочка, обычная, невзрачная, становится главной героиней, обретает парня, разгадывает тайну, эффектно устраивает разнос свекрови, заводит ребенка, находит лучших друзей и счастливое будущее. Это капля в море, шепот в крике реалити-шоу, где гоняют толстяков или соревнуются ради пластической операции, и журналов, где больших размеров

практически не существует.

Однако я надеюсь, что работа, которую я проделала, изменила мир и жизнь моих читателей к лучшему. Надеюсь, что книги, которые я написала, отвлекают от невзгод, поднимают настроение и, прежде всего, забавляют – потому что, когда я была странным, одиноким ребенком и когда затем переживала превращение в женщину, именно это качество я и ценила в своих излюбленных книгах больше всего: они переносили меня из этого мира туда, где мне было лучше.

А как насчет Кэнни?

Этой сорокалетней писательнице приходится сдерживать желание взять свое двадцативосьмилетнее творение за плечи, хорошенько встряхнуть, сказать, что ее заботы – ерунда, проблемы сытой жизни, и что она никогда уже не будет такой свободной, необремененной (тем более такой худой) снова.

Но она так юна и так полна надежд, у нее впереди еще столько жизни и столько разочарований. Что мне еще остается, кроме как пожелать ей добра?

Часть первая

Хороши в постели

1

– Уже видела? – поинтересовалась Саманта.

Я склонилась пониже над компьютером, чтобы редактор не услышала, как я созваниваюсь по личным вопросам.

– Видела что?

– А, ничего. Проехали. Поговорим, как будешь дома.

– Видела что? – снова спросила я.

– Ничего, – повторила Саманта.

– Саманта, ты в жизни не звонила мне посреди рабочего дня из-за «ничего». Так что давай уже. Выкладывай.

Саманта вздохнула:

– Ладно, но не вели казнить гонца и все такое.

И тут я забеспокоилась.

– «Мокси». Новый выпуск. Кэнни, бегом за ним, вот прямо сейчас.

– Зачем? Что там? Я попала под модный приговор?

– Просто сходи в вестибюль и купи его. Я повишу.

Видимо, все серьезно. Саманта, помимо моей лучшей подруги, была еще и юристом в «Льюис, Доммел и Феник». Са-

манта заставляла людей ждать на линии, или ее помощница говорила, дескать, она на совещании. Сама же Саманта никогда не ждала. «Признак слабости», – поясняла она мне. По спине пробежали мурашки.

Я спустилась на лифте в вестибюль редакции «Филадельфия икзэминер», махнула охране и прошла к небольшому газетному киоску, где и обнаружила «Мокси» на одной полке с ее родней: «Космо», «Гламуром» и «Мадемуазель». Трудно не заметить, с такой-то супермоделью в блестках на обложке и кричащими заголовками «Эх раз, да еще раз: мультиоргазм – это просто!» и «Попа-лярность! Четыре бомбических приема, чтобы расшевелить пятую точку!». После кратких раздумий я прихватила маленькую пачку шоколадных «M&M's», расплатилась с жующей жвачку кассиршей и вернулась наверх.

Саманта все еще висела на линии.

– Страница сто тридцать два, – сказала она.

Я села, закинула в рот несколько драже и перелистнула на сто тридцать вторую страницу, где обнаружилась постоянная рубрика «Хороши в постели», которую вели мужчины, дабы помочь среднестатистической читательнице понять, что там нравится ее бойфренду... или не нравится, тут уж по ситуации. Сперва глаза никак не могли сложить буквы в слова. Наконец у них получилось.

«ЛЮБОВЬ С ПЫШНОЙ ДАМОЙ, – гласил заголовок. – Автор Брюс Губерман».

С Брюсом Губерманом я встречалась чуть больше трех лет, пока три месяца назад мы не решили друг от друга отдохнуть. И «ПЫШНОЙ ДАМОЙ», надо полагать, была именно я.

Знаете, как в книжках-ужастиках персонаж говорит, мол, у него сердце замерло? Так вот, у меня замерло. Буквально. А потом – как снова заколотилось в запястьях, в горле, в кончиках пальцев. Волоски на загривке встали дыбом. Ладони заледенели. Кровь зашумела в ушах. Я прочитала первую строку статьи: «Никогда не забуду день, когда узнал, что моя девушка весит больше меня».

Голос Саманты доносился как будто издалека.

– Кэнни? Кэнни, ты тут?

– Я его убью! – задохнулась я.

– Дыши глубже, – наставляла Саманта. – Вдох носом, выдох ртом.

Бетси, мой редактор, бросила через разделяющую нас перегородку озадаченный взгляд. «Ты в порядке?» – произнесла она одними губами. Я крепко зажмурилась. Гарнитура почему-то выскользнула и упала на ковролин.

– Дыши! – звучал снизу голос Саманты, глухо, как из жестяной банки.

Я же хрипела и задыхалась. К зубам прилипли кусочки шоколада и хрустящей оболочки драже. В центр страницы кричащими розовыми буквами была вынесена цитата. «В нашем мире любить пышную даму, – писал Брюс, – это по-

двиг».

– Поверить не могу! Поверить не могу, что он так поступил! Я его прикончу!

Бетси как раз успела обойти стол и пыталась через мое плечо заглянуть в журнал у меня на коленях, а Габби, злобная коллега, пялилась в нашу сторону: карие глазки-бусинки щурились, выискивая намеки на беду, а толстые пальцы зависли над клавиатурой, готовые тут же настучать о плохих новостях подружкам. Я захлопнула журнал. Наконец сумела глубоко вдохнуть и махнула рукой Бетси, мол, возвращайся на место.

Саманта ждала.

– Так ты не знала?

– Не знала чего? Что для него встречаться со мной было подвигом? – Я попыталась изобразить саркастический смешок. – Да ему б в моей шкуре побывать, вот где подвиг.

– То есть ты не знала, что его взяли в «Мокси»?

Я открыла начало журнала, колонку с краткой информацией о каждом авторе под черно-белым портретным фото с претензией на высокохудожественность. И точно, вот он, Брюс. Его длинные, до плеч, волосы якобы развевались на ветру, за который, несомненно, стоило благодарить вентилятор. Прямо великий маэстро, подумала я злобно.

«Ведущий рубрики «Хороши в постели» Брюс Губерман – наше новое приобретение в этом месяце. Писатель из Нью-Джерси, в настоящее время работает над своим первым ро-

маном».

– Своим первым романом? – произнесла я.

Ну, может, взвизгнула. Люди повернулись в мою сторону. На лице Бетси вновь отразилась тревога, а Габби принялась что-то настукивать на клавиатуре.

– Вот же лживая срань!

– Не знала, что он пишет роман. – Саманта явно очень хотела сменить тему.

– Да он записку с трудом из себя выжимает, – фыркнула я, перелистывая обратно на сто тридцать вторую страницу.

«Никогда не считал себя любителем пышек, – прочитала я. – Но, встретив К., не устоял перед ее остроумием, смехом и сверкающими глазами. А с телом, решил, уж как-нибудь смирюсь».

– Я ЕГО УБЬЮ!

– Так убей уже и заткнись, – буркнула Габби, поправив сползающие с носа очки с толстенными стеклами.

Бетси опять вскочила. У меня дрожали руки, и яркие драже вдруг рассыпались по полу, захрустели под колесиками стула.

– Мне пора, – коротко сообщила я Саманте и бросила трубку. – Все в порядке, – повернулась я к Бетси.

Та встревоженно на меня глянула, но отступила.

Набрать правильно номер Брюса мне удалось только с третьей попытки, а когда спокойный голос на автоответчике сообщил, что в данный момент он не может ответить на мой

звонок, запаниковала и перезвонила Саманте.

– Хороши в постели, ишь, – возмутилась я. – Надо позвонить его редактору. Это же введение в заблуждение. Ну то есть они вообще проверяли его источники? Мне вот никто не звонил.

– Это в тебе говорит гнев, – отозвалась Саманта.

С тех пор как она начала встречаться со своим инструктором по йоге, в ней пробудился философ.

– Любитель пышек, – к глазам подступили слезы. – Как он мог так со мной поступить?

– Ты уже дочитала?

– Только начала.

– Может, на этом и хватит?

– Там что, больше?

Саманта вздохнула:

– Ты действительно хочешь знать?

– Нет. Да. Нет.

Я подождала. Саманта тоже.

– Да. Рассказывай.

Она снова вздохнула:

– Он называет тебя... а-ля Левински.

– Это он про тело или умение делать минет? – Я попыталась рассмеяться, но вышло только сдавленно всхлипнуть.

– И он все гнет линию про твои... сейчас, найду. Твои «габариты».

– О боже.

– Он пишет, что ты сочная, – попыталась приободрить меня Саманта. – И... ядреная. Это же не плохое слово, да?

– Господи, да за все то время, что мы были вместе, они ни разу не говорил...

– Ты его бросила. Вот он и злится.

– Да не бросала я! Мы просто взяли передышку! И он согласился, что идея хорошая!

– Ну а что ему еще оставалось? – парировала Саманта. – Ты говоришь, мол, нам нужно пожить отдельно, а он или соглашается с тобой и уходит, сохраняя какие-никакие крохи достоинства, или умоляет тебя не покидать его и выглядит жалким. Он выбрал крохи достоинства.

Я провела руками по каштановым, длиной до подбородка волосам и прикинула масштаб катастрофы. Кто еще видел статью? Кто знает, что «К.» – это я? Брюс показал ее всем своим друзьям? Видела ли ее моя сестра? Или, не дай бог, мать?!

– Мне пора, – опять сообщила я Саманте.

Положив гарнитуру на стол, я поднялась на ноги и оглядела редакцию «Филадельфия икзэминер» – десятки людей, в основном средних лет, по большей части белых, трудились за компьютерами или толпились у телевизоров, глядя эфир Си-эн-эн.

– Кто-нибудь знает, как в нашем штате достать пистолет? – поинтересовалась я в пространство.

– Мы работаем над серией статей, – произнес Ларри,

редактор местных новостей – маленький, бородатый, вечно растерянный на вид и воспринимающий все совершенно буквально. – Но думаю, что законы у нас довольно мягкие.

– После подачи заявки нужно две недели ждать, – вставил кто-то из спортивных обозревателей.

– Это если тебе меньше двадцати пяти лет, – добавил помощник редактора.

– Ты путаешь с арендой авто, – фыркнул «спортсмен» с издевкой.

– Мы дадим ответ позже, Кэнни, – заключил Ларри. – Тебе срочно?

– Типа того. – Я села, потом снова встала. – В Пенсильвании же есть смертная казнь, да?

– Мы работаем над серией статей, – без тени улыбки повторил Ларри.

– А, неважно, – отмахнулась я и, усевшись, опять набрала Саманту. – Знаешь что? Не буду его убивать. Смерть – это для него слишком великодушно.

– Как скажешь, – преданно согласилась Саманта.

– Ты со мной вечером? Устроим ему засаду на парковке.

– И что сделаем?

– А это я решу в промежутке.

Я познакомилась с Брюсом Губерманом на вечеринке, и со мной как будто случился эпизод из чужой жизни. Мне еще не доводилось встречать парня, который бы так мной увлек-

ся, что с порога пригласил на свидание. Мой модус операнди – подавить сопротивление остроумием, обаянием и, как правило, домашним ужином с кошерной курицей с чесноком и розмарином в главной роли. С Брюсом курица не понадобилась. С Брюсом вышло проще.

Я расположилась в углу гостиной, откуда хорошо видела всю комнату – плюс могла быстро добраться до острого соуса с артишоками. Я очень старательно изображала мамину спутницу жизни, Таню, поедающую ножку королевского краба с загипсованной рукой. Так вот, я впервые увидела Брюса, когда прижимала к груди одну руку, будто та на перевязи, и, раззявив рот и выгнув шею под особенно странным углом, пыталась высосать воображаемое мясо из воображаемой ножки. Я как раз переходила к части, где случайно втыкала ее себе в правую ноздрю – при этом, кажется, успела измазать щеку в соусе, – как Брюс вдруг подошел ближе. Высокий, загорелый, с козлиной бородкой, русыми волосами, забранными в хвост, и добрыми карими глазами.

– Эм... прошу прощения, – произнес он, – вы в порядке?

Я вскинула брови:

– Вполне.

– Просто вы выглядели будто бы... – Голос Брюса, приятный, пусть и немного высоковатый, умолк.

– Странно?

– Я однажды видел insult, – пояснил Брюс. – И все начиналось точно так же.

К этому моменту моя подруга Брианна успела наконец отсмеяться. Вытерев глаза, она схватила Брюса за руку:

– Брюс, это Кэнни. Она изображала нашу общую знакомую.

– О, – выдал Брюс и застыл, явно чувствуя себя идиотом.

– Не волнуйтесь, – успокоила его я. – Вы меня вовремя остановили. А то как-то бестактно с моей стороны все-таки.

– О, – повторил Брюс.

А я продолжала:

– Вообще-то я пытаюсь стать добрее. Пообещала себе на Новый год.

– Уже февраль, – заметил Брюс.

– Я медленно раскачиваюсь.

– Ну, главное, что вы стараетесь. – Он улыбнулся мне и отошел.

Остаток вечеринки я наводила справки. Брюс пришел с парнем, которого Брианна знала по аспирантуре. Хорошие новости: у него высшее образование, то есть он более-менее умен, а еще он еврей, как и я. Ему было двадцать семь, мне – двадцать пять. Все как надо.

– А еще он веселый, – добавила Брианна, прежде чем принести и дурную весть: Брюс уже три года (а может, и дольше) писал диссертацию и жил в центральной части Нью-Джерси, более чем в часе езды от нас, иногда фрилансил, периодически учил первокурсников и жил на маленькую стипендию, такой же оклад и, по большей части, деньги родителей.

– Географически неприемлем, – веско изрекла Брианна.

– Красивые руки, – парировала я. – Хорошие зубы.

– Вегетарианец.

Я поморщилась:

– Давно?

– С колледжа.

– Пф-ф. Это мы, может, еще исправим.

– Он... – Брианна умолкла.

– Преступник на условно-досрочном? – пошутила я. – Сидит на обезболе?

– Немножко инфантильный, – наконец выдала она.

– Он парень, – пожала плечами я. – Разве они не все такие?

Брианна рассмеялась:

– И он хороший. Пообщайся с ним. Сама увидишь.

Я весь вечер за ним наблюдала – и чувствовала, что он наблюдает за мной. Однако он больше со мной не заговорил, и домой я отправилась более чем разочарованная. Давненько мне не попадался мужчина, которым я могла увлечься, и высокий белозубый обладатель красивых рук и аспирант Брюс казался, по крайней мере на первый взгляд, неплохим вариантом.

Но, когда за спиной раздался шаг, я подумала не о нем. А о том, что приходит в голову любой городской женщине, которая слышит сзади быстро нагоняющие ее шаги, а на часах уже за полночь и даже до ближайшего фонаря еще идти

и идти. Я мельком огляделась, нащупывая на связке ключей газовый баллончик. На углу фонарь, под ним стоит авто. Я прикинула: сначала пшикну газом в лицо преследователю, кем бы он ни был, врежу по стеклу машины в надежде, что вззоет сигналка, а потом с громкими воплями убегу.

– Кэнни?

Я рывком развернулась. А за мной стоял Брюс, застенчиво мне улыбаясь.

– Привет. – Он тихонько рассмеялся, мой очевидный испуг его позабавил.

Брюс проводил меня домой. Я дала ему номер своего телефона. Брюс позвонил на следующий вечер, и мы проболтали три часа – о колледже, родителях, его диссертации, будущем газет, обо всем.

– Я хочу тебя увидеть, – заявил он мне в час ночи, когда я уже начала думать, что такими темпами, если разговор продолжится, утром на работе буду клевать носом.

– Так давай как-нибудь встретимся, – отозвалась я.

– Нет. Сейчас.

Спустя два часа и один не тот поворот с моста Бена Франклина он снова возник у меня на пороге: почему-то более высокий, чем я запомнила, в клетчатой рубашке и трениках, со свернутым спальником, который пах летним лагерем, и смущенной улыбкой. Вот так все и случилось.

И теперь, более чем через три года после нашего перво-

го поцелуя, три месяца после разговора о том, что нам нужно взять передышку, и четыре часа после того, как выяснилось, что он рассказал всему читающему журнал миру, что я «пышная дама», Брюс стоял на парковке у своего дома, где согласился со мной встретиться, и щурился. И часто моргал – как и всегда, когда нервничал. И держал целую кучу вещей. Синюю пластиковую миску, которую я держала у Брюса для моего Нифкина. Рамку из красного дерева с нашей фотографией, снятой на вершине утеса на острове Блок. Серебряную сережку-кольцо, которая месяцами лежала у Брюса на тумбочке. Три носка, полупустой флакончик «Шанель». Тампоны. Зубную щетку. Три года в мелочах, что закатились под кровать, забились между диванными подушками. Нашим randevу Брюс, очевидно, решил убить двух зайцев: стойко снести мой гнев по поводу колонки «Хороши в постели» и вернуть вещи. Один вид моего девичьего добра, сброшенного в картонную коробку из-под виски «Чивас», которую Брюс наверняка раздобыл в магазине алкогольных напитков по пути с работы, стал ударом под дых – физическим доказательством, что между нами и впрямь все кончено.

– Кэнни, – холодно поприветствовал меня Брюс, продолжая глупо моргать, что в нем особенно раздражало.

– Брюс, – отозвалась я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Как делишки с романом? Там я тоже главная героиня?

Он вскинул бровь, но промолчал.

– Напомни-ка, – продолжила я, – а на каком этапе отноше-

ний я разрешила тебе делиться интимными подробностями нашей совместной жизни с парой-тройкой миллионов читателей?

Брюс пожал плечами:

– У нас больше нет отношений.

– Мы решили друг от друга отдохнуть.

Он изобразил снисходительную улыбочку.

– Да брось, Кэнни. Мы же оба понимаем подтекст.

– Я говорила без подтекстов, – парировала я, вперившись в него мрачным взглядом. – Видимо, только я.

– Как тебе угодно. – Брюс попытался всучить мне коробку. – Не знаю, что тебя так расстроило. Я ничего дурного там не сказал. – Он расправил плечи. – И вообще, думаю, что статья вышла очень даже.

Я буквально лишилась дара речи – что во взрослой жизни со мной случалось крайне редко.

– Ты обдолбался? – поинтересовалась я; впрочем, в случае Брюса вопрос был скорее риторическим. – Ты назвал меня толстой на страницах журнала. Ты выставил меня на посмешище. Не думаешь, что поступил как-то нехорошо?

– Смирись, Кэнни. Ты и есть толстая. – Брюс склонил голову. – Но это не значит, что я тебя не любил.

Упаковка тампонов отскочила от его лба, рассыпая содержимое по парковке.

– Очень мило, – заметил Брюс.

– Ну ты и ублюдок!

Я облизнула губы, тяжело дыша. Руки дрожали, прицел сбился. Рамка с фотографией вскользь задела плечо Брюса и вдребезги разбилась об асфальт.

– Поверить не могу, что хоть на секунду могла задуматься, а не выйти ли за тебя замуж!

Брюс опять пожал плечами и, наклонившись, принялся собирать тампоны, осколки стекла и куски дерева в коробку. Фотография осталась лежать.

– Со мной еще никто так гадко не поступал, – проговорила я сквозь ком в горле. – Просто чтоб ты знал.

Слова срывались с языка, но я лгала. В общей, исторически сложившейся картине вещей отец, который нас бросил, поступил бесспорно хуже. Что хреново, помимо прочего, в моем папаше, так это то, что он лишил меня возможности сказать другому мужчине «со мной еще никто так гадко не поступал» от чистого сердца.

И опять Брюс пожал плечами:

– Я уже не обязан беспокоиться о твоих чувствах. Ты ясно дала это понять.

Он выпрямился. Я надеялась, Брюс разозлится, даже вспылит, но получила лишь приводящее меня в бешенство снисходительное спокойствие.

– Ты же этого и хотела, помнишь?

– Я хотела перерыв в отношениях. Подумать хорошенько обо всем. А надо было просто-напросто тебя бросить. Ты...

И я умолкла, снова утратив дар речи в попытке приду-

мать, как бы посильнее его задеть, заставить прочувствовать хоть каплю того ужаса, стыда и ярости, которые испытала я.

– Ты мелкий, – наконец выдала я, вложив в это слово всю ненависть, на которую была способна, чтобы он понял, что я имею в виду не только его моральные качества, но и остальные места.

Брюс не ответил. Даже не взглянул на меня. Просто развернулся и ушел.

Саманта не глушила мотор.

– Ты в порядке? – спросила она, когда я, прижимая коробку к груди, скользнула на пассажирское сиденье.

Я молча кивнула. Саманта, наверное, считала меня глупой. Однако в подобной ситуации я и не ожидала от нее сочувствия. Высокая, с иссиня-черными волосами, белой кожей и точеными скулами, Саманта похожа на молодую Анжелику Хьюстон. И она худая. Без усилий, худая, и все тут. Предложи ей любые яства со всего мира, так Саманта наверняка выберет свежий персик и ржаные хлебцы. Не будь она моей лучшей подругой, я бы ее ненавидела, но даже лучшей подруге порой сложно не завидовать, когда она хочет – ест, а не хочет – не ест, а я-то, как правило, только хочу и ем, а потом еще и ей помогаю, если она уже наелась. И проблема с лицом и фигурой у нее только одна: слишком пристальное внимание окружающих. Ей никогда не понять, каково жить в таком теле, как у меня.

Саманта бросила на меня быстрый взгляд:

– Так что... э-э, как понимаю, между вами все кончено?

– Правильно понимаешь, – глухо ответила я.

Во рту стояла горечь, лицо в отражении бокового зеркала казалось серым, безжизненным. Я уставилась в картонную коробку, на свои сережки, книжки, тюбик помады, который считала безвозвратно утерянным.

– Ты как? – тихо спросила Саманта.

– В порядке.

– Хочешь в бар? Или, может, поужинаем? Или в кино сходим?

Я крепче вцепилась в коробку и закрыла глаза, чтобы не видеть, где мы находимся, не видеть, как машина уносится прочь по пути, который раньше вел меня к нему.

– Наверное, я просто хочу домой.

Когда я вернулась в квартиру, автоответчик мигал принятым сообщением. Я его проигнорировала. Стянула рабочую одежду, вошла в домашний комбинезон и футболку, прошла босиком на кухню. Достала из морозилки заготовку для лимонада, с верхней полки шкафчика – пинту текилы, смешала все это прямо в миске, взялась за ложку и, глубоко вздохнув, от души хлебнула, а потом уселась на обтянутый синей джинсовой тканью диван и заставила себя читать.

ЛЮБОВЬ С ПЫШНОЙ ДАМОЙ

Брюс Губерман

Никогда не забуду день, когда узнал, что моя

девушка весит больше меня.

Она поехала кататься на велосипеде, а я сидел дома, смотрел футбол, листал журналы на ее кофейном столике и наткнулся на небольшой, размером с ладонь, блокнот наблюдения за весом – туда она записывала, что съедала и когда, что собиралась съесть потом, выпила ли положенные восемь стаканов воды в день. В блокноте значилось ее имя, ее идентификационный номер и ее вес, который я, будучи слишком хорошо воспитанным, не могу здесь привести. Достаточно сказать, что цифра меня поразила.

Я знал, что К. – девушка крупная. Определенно крупнее женщин с экрана телевизора, скачущих в купальниках или дрифтующих из ситкомов в медицинские сериалы и обратно. Безусловно, крупнее любой, с кем я встречался прежде.

«Что, обеих?» – подумала я с издевкой

Я никогда не считал себя любителем пышек. Но, встретив К., не устоял перед ее остроумием, смехом и сверкающими глазами. А с телом, решил, уж как-нибудь смирюсь.

Она не уступала мне шириной плеч и – практически – размером рук, а от груди до живота, от талии до колен меня тепло встречали мягкие округлости. Обнимая ее, я чувствовал себя в укромной гавани. Меня как будто окружал уют родного дома.

А вот выходить с ней в свет оказалось далеко не так комфортно. Может, это я настолько впитал

ожидания общества, диктующие, чего мужчине хотеть и как женщине выглядеть. Но, что более вероятно, эти ожидания слишком хорошо впитала именно она. К. была преданным солдатом войны за красивое тело. Высокая, с фигурой типичного лайнбекера и весом, с которым она как родная вписалась бы в любую профессиональную футбольную команду, К. не могла стать незаметной.

Однако я знаю, если бы ее сутуловатость и бесформенные черные свитера могли стереть ее с лица земли, К. воспользовалась бы этой возможностью в мгновение ока. Она не получала удовольствия от всего того, что нравилось мне, – от своего роста, своих габаритов, своего сочного, ядреного тела.

Сколько бы я ни говорил ей, что она прекрасна, К. мне не верила. Сколько бы я ни убеждал ее, что все это не имеет никакого значения, я понимал, что для нее значение таки было. Мой одинокий голос – ничто в сравнении с голосом всего мира. Ее стыд казался мне чем-то осязаемым, он словно шагал рядом с нами по улице, таился между нами в кинотеатре, выжидая в засаде, пока кто-нибудь не произнесет самое ненавистное для нее слово: жирная.

И я знал, что это не паранойя. Отовсюду слышно, что лишний вес – последний предрассудок, который общество по-прежнему приемлет, что толстые люди – единственная верная цель для острот в нашем политкорректном мире. Заведи отношения с женщиной кинг-сайз и увидишь, насколько я прав. Заметишь, как

люди смотрят на нее – и на тебя, потому что ты с ней. Попытаешься купить ей белье на День святого Валентина и поймешь, что размеры заканчиваются раньше, чем начинается она. Всякий раз в кафе или ресторане будешь наблюдать ее муки в попытках найти нечто среднее между тем, что она хочет съесть, и тем, что может себе позволить, – и что ей стоит или нет есть на публике.

И что ей стоит или нет говорить.

Помню, когда разразился скандал с Моникой Левински, журналистка К. написала страстную статью в защиту стажерки Белого дома, которую предала не только вашингтонская подруга Линда Трипп, но и – что еще хуже – друзья из Беверли-Хиллз, вовсю продававшие школьные воспоминания о Монике прессе. Статья вышла в свет, и К. получила множество гневных писем, включая одно от некоего индивида, начинавшееся словами: «Да по твоей писанине сразу ясно, что ты толстая и тебя никто не любит». И вот это послание – это слово – зацепило К. больше всего. Словно если верна первая часть, «ты толстая», то должна быть верна и вторая, «тебя никто не любит». Словно быть а-ля Левински хуже, чем быть предателем или тупицей. Словно иметь лишний вес – преступление.

В нашем мире любить пышную даму – это подвиг. А может, даже тщетность. Потому что, любя К., я понимал, что люблю женщину, которая не верит, что достойна чьей-либо любви в принципе.

И теперь, когда между нами все кончено, я не знаю,

куда излить гнев и печаль. На мир, что заставил ее так относиться к собственному телу – нет, к самой себе, – и возможности быть желанной. На К., которой не хватало воли не слушать то, что говорит ей мир. Или на себя за то, что не сумел полюбить ее достаточно, чтобы заставить поверить в себя.

Я прорыдала все «Свадьбы знаменитостей», сидя на полу у дивана. Слезы катились по подбородку и вымачивали мне футболку, пока тонюсенькие, почти прозрачные супер-модели одна за другой говорили «я согласна». Я плакала о Брюсе, который понимал меня куда лучше, чем я думала, и любил куда сильнее, чем я заслуживала. Он мог быть всем, чего я только хотела, на что надеялась. Брюс мог стать моим мужем. А я его отшила.

И потеряла его навсегда. И Брюса, и его родителей – то, что мне в нем, помимо остального, нравилось больше всего. Эдакие идеальные Джун и Уорд ², если бы те были евреями и жили в Нью-Джерси в девяностые. Отец Брюса, с вечными бакенбардами и такими же добрыми, как у Брюса, глазами, работал дерматологом. Он души не чаял в своей семье. Не знаю, как еще описать это – или то, насколько это меня поражало. По сравнению с моим папашей Бернارد Губерман казался пришельцем с Марса. «Он и правда любит своего ребенка! – изумлялась я. – Он и правда хочет проводить с

² Джун и Уорд Бивер – герои американского ситкома «Leave It to Beaver», впервые вышедшего на экраны в 1950-х. Героев часто называют образцовыми родителями эпохи беби-бума.

ним время! Он помнит подробности жизни Брюса!» То, что и я нравилась Бернарду Губерману, вероятно, связано не с моей личностью, а с тем, что я: а) еврейка, то есть потенциальная сноха; б) хорошо трудоустроена, а значит, по идее, не мечу в брак по расчету и в) источник счастья для его сына. Но меня не волновали причины его хорошего отношения ко мне. Я просто купалась в его доброте при каждой удобной возможности.

Мать Брюса, Одри, была малость жутковатой, с ухоженными ногтями, каждый раз выкрашенными в такой цвет, о котором напишут в следующем номере «Вог», и идеальной укладкой. В ее доме, с семью ванными комнатами, полным стекла и белоснежных ковров, покрывающих пол от стены до стены, царила безукоризненная чистота. Вся-из-себя Одри, так я называла ее в разговорах с друзьями. Но стоит только копнуть глубже маникюров, и Одри тоже оказалась неплохой. Она выучилась на преподавателя, но к моменту нашего знакомства дни заработка на кусок хлеба для нее уже были в далеком прошлом, теперь она стала женой, матерью и активисткой – постоянным членом родительского комитета, вожатой младшей дружины скаутов, президентом женской сионистской организации «Хадасса», человеком, на которого всегда можно положиться, если нужно организовать ежегодную благотворительную раздачу продуктов в синагоге или зимний бал для сестер.

Недостаток подобных родителей, как мне думалось, в том,

что они убивают в ребенке честолюбие. С моими разведенными родителями и учебным кредитом мне приходилось всеми силами выцарапывать подъем на очередную ступеньку социальной лестницы, очередную работу, очередное задание на фрилансе, лишь бы получить больше денег, больше славы, насколько вообще можно о ней говорить, когда твое дело – рассказывать истории других людей. Когда я начинала в крошечной газетенке бог знает где и писала репортажи об автомобильных авариях и заседаниях комиссий по канализации, я спала и видела, как перебираюсь в более крупное издание, а когда мне это наконец удалось, я уже через каких-то две недели думала, куда двигаться дальше.

Брюс же преспокойно плыл по течению: занимался диссертацией, тут проводил пару-другую у студентов, там что-нибудь писал на заказ, в общем, зарабатывал в два раза меньше меня, а за страховку автомобиля (и сам автомобиль, если уж на то пошло) платили родители, они же «помогали» с арендой квартиры, а еще спонсировали его жите, выдавая по сто баксов при каждой встрече. Туда же шли фантастически щедрые чеки на день рождения, Хануку, а иногда и просто так. «Сбавь обороты, – говаривал он мне, когда я ранним утром вылезала из постели, чтобы поработать над статьей или съездить в офис в субботу, разослать запросы нью-йоркским редакторам. – Тебе нужно больше наслаждаться жизнью, Кэнни».

Мне иногда казалось, что ему нравится воображать себя

эдаким героем из песни раннего Спрингстина – безудержным, страстным девятнадцатилетним романтиком, который бросает вызов миру в целом и отцу в частности, ищет ту самую, единственную, что его спасет. Вот только проблемка: родители Брюса не давали повода взбунтоваться: ни тебе тяжелой, отупляющей работы на фабрике, ни категоричного, жесткого давления отцовского авторитета, и уж точно никто не держал его в бедности. А песня Спрингстина длилась всего три минуты – включая главный мотив, припев и громогласную гитарную кульминацию, – и в ней не было ни слова о грязной посуде, нестираном белье, неубранной постели, о тысяче мелочей, в которых выражаются доброжелательность и забота, ради которых, собственно, и стоит поддерживать взаимоотношения. Мой Брюс предпочитал дрейфовать по жизни, неспешно почитывать воскресную газету, покуривать первоклассную травку, мечтать о публикациях в крупных изданиях и более существенных заказах, не то чтобы сильно стараясь их получить. Однажды, еще на заре наших отношений, он отправил вырезки своих публикаций в «Ик-эминер» и получил краткое «попробуйте лет через пять». Брюс забросил письмо в коробку из-под обуви, больше мы его не обсуждали.

Но он был счастлив. «В голове голяк, и мне плевать», – пел он мне, цитируя группу «Грейтфул Дэд», а я вымучивала улыбку, думая, что в моей-то голове голяка не случается, а если бы оный и образовался, то мне уж точно не было бы

плевать.

И к чему привела вся моя суета, размышляла я, прихлебывая свою алкогольную жижу прямо из миски. Какая разница? Он-то меня больше не любит.

Я проснулась после полуночи, напуская слюни на диван. В голове глухо бухало. Потом я сообразила, что это кто-то бухает в дверь.

– Кэнни?

Я села, не сразу сообразив, где у меня руки-ноги.

– Кэнни, открывай сейчас же. Я волнуюсь.

Мать. Господи боже, нет.

– Кэнни!

Я свернулась калачиком на диване, вспоминая, что она звонила утром, миллион лет назад, и сказала, что вечером приедет в город на «Гей бинго», а потом они с Таней заскочат ко мне в гости. Я поднялась и как можно тише щелкнула выключателем лампы, чтобы погасить свет, – получилось, правда, не очень тихо, поскольку в процессе я ее сбила. Нифкин взвыл и, запрыгнув на кресло, укоризненно на меня уставился. Мать снова забарабанила в дверь.

– Кэнни!

– Уходи, – слабым голосом отозвалась я. – Я... голая.

– А вот и нет! Ты в своем комбезе и хлещешь текилу под «Звуки музыки».

Чистая правда. Ну, что тут сказать? Я люблю мюзиклы. Особенно «Звуки музыки» – в частности, сцену, где Мария

во время грозы устраивает на своей постели оставшийся без матери выводок детей фон Траппа и поет «Мои любимые вещи». И все это так уютно, так безопасно... как бывало в моей семье – нечасто и очень давно.

Из-за двери донесся приглушенный разговор – голос моей матери и еще один, пониже, будто дым от «Мальборо» сочащийся сквозь щель. Таня. Героиня руки в гипсе и крабовой ноги.

– Кэнни, открывай!

Силком сдвинув себя с места, я потащила в ванную. Зажгла свет и уставилась на отражение, оценивая ситуацию и свой видок. Зареванное лицо – есть. Светло-каштановые с медными прядями волосы, подстриженные под каре и заправленные за уши, – тоже в наличии. Отсутствие макияжа. Намек на... ладно уж, наличие второго подбородка. Полные щеки, круглые, покатые плечи, грудь размера DD, толстые пальцы, мощные бедра, здоровый зад, крепкие мышцы ног, скрытые трепещущим слоем жира. Глаза совсем крошечные, словно пытаются спрятаться в складках лица, и в них как будто читаются голод и отчаяние. Глаза цвета океана в бухте Менемша на острове Мартас-Винъярд, красивая виноградная зелень. «Такое милое личико», – говаривала моя бабушка, обхватывая мой подбородок ладонью, а потом качала головой, не считая нужным заканчивать мысль.

И вот она я. Двадцать восемь лет, тридцатник уже на горизонте. Пьяная. Толстая. Одинокая. Нелюбимая. И что хуже

всего – воплощенное клише, Элли Макбил и Бриджит Джонс в одном флаконе, и столько в сумме я, наверное, как раз и весила. Да еще и две лесбиянки в дверь долбят. Лучший выход, решила я, залезть в шкаф и прикинуться мертвой.

– У меня есть ключ, – пригрозила мать.

Я отняла у Нифкина миску с текилой и проорала:

– Минутку!

Подняла упавшую лампу, приоткрыла дверь. С той стороны на меня уставились мать и Таня, в одинаковых мужских толстовках с капюшонами и одинаково встревоженные.

– Слушайте, – произнесла я. – У меня все в порядке. Просто хочу спать, пойду ложиться. Поговорим утром.

– Слушай, мы видели статью в «Мокси», – сказала мать. – Люси принесла журнал.

«Спасибо, Люси», – подумала я.

– У меня все в порядке, – повторила я. – В порядке, в порядке, в порядке.

Мать, стиснув штамп для бинго, ответила скептическим взглядом. На лице Тани, как всегда, читалось, что она хочет покурить, и выпить, и чтобы я и мои брат с сестрой никогда не рождались, тогда наша мать принадлежала бы ей одной и они смогли бы перебраться в лесбийскую коммуну в Нортгемптон.

– Ты позвонишь мне завтра? – спросила мать.

– Позвоню, – пообещала я и заперла дверь.

Постель показалась мне оазисом среди пустыни, песчаной косой среди бушующего моря. Ринувшись к ней, я рухнула на спину, раскинула руки и ноги, словно морская звезда пятьдесят четвертого размера, прибитая к одеялу. Я любила свою постель: симпатичное голубое пуховое одеяло, мягкие розовые простыни, гору подушек в ярких наволочках – пурпурной, оранжевой, светло-желтой, кремовой. Любила подзор от Лауры Эшли и красное шерстяное одеяло, под которым я спала еще в детстве. Кровать, думала я, это единственное, что сейчас по душе. Нифкин запрыгнул ко мне и устроился рядом, а я все пялилась в потолок, который очень уж опасно кружился.

Зря я сказала Брюсу, что хочу перерыв в отношениях. Зря вообще с ним познакомилась. Зря не сбежала без оглядки той ночью, заслышав шаги.

Зря стала журналистом. Пекла бы себе кексы в кондитерской, где всей работы – разбивай яйца, отмеряй муку и отсчитывай сдачу, и никто бы меня не оскорблял, потому что там мои габариты уместны. Каждая дряблая складка и бугорок целлюлита служили бы доказательством высочайшего качества моей выпечки.

Поменяться бы местами с парнем, который в обеденный час ходил по Пайн-стрит, нацепив двухсторонний рекламный щит с надписью «СВЕЖИЕ СУШИ», и раздавал купоны на скидку в «Мир васоби». Стать бы безликой, невидимой. А может, даже мертвой.

Я представила, как укладываюсь в ванну, приклеив записку к зеркалу, и подношу к запястью лезвие. Потом – как Нифкин недоумевающе скулит, скребет когтями бортик, не понимая, почему я не встаю. Как мать, которой придется перебирать мои вещи, найдет немного потрепанный экземпляр эротического журнала «Лучшее от Пентхаус Леттерз» и вдобавок наручники с розовым мехом, которые Брюс подарил мне на День святого Валентина. И наконец – как санитары «Скорой» намучаются со спуском моего мокрого мертвого тела по трем лестничным пролетам. «У нас тут сегодня та еще туша», – скажет один санитар.

Ладно. Самоубийство отпадает, подумала я, заворачиваясь в одеяло и подкладывая под голову оранжевую подушку. Кондитерская и рекламный щит, пусть и соблазнительные, – пожалуй, тоже вряд ли мне светят. Я не могла представить, как о подобном можно написать на страницах журнала о выпускниках. Выпускница Принстона, если уж и сворачивала с кратчайшего пути к успеху, то становилась владелицей кондитерской, которую затем превращала в целую процветающую сеть, а сеть – в открытое акционерное общество, и зарабатывала миллионы. Да и кондитерская была бы просто развлечением на несколько лет, чтобы не сидеть сложа руки, пока подрастают дети, которые неизменно тоже появятся на страницах этого журнала о выпускниках в черно-оранжевых одеждах с надписью «Поступаем в 2012!» на не по годам развитых груденках, сплошное ути-пути.

Чего я хочу, думала я, вжимаясь лицом в подушку, так это снова стать маленькой. Лежать на кровати в доме, где выросла, под узорчатым коричнево-красным одеялом, читать книжку, хотя уже давным-давно должна спать, слышать, как открывается дверь и в комнату входит отец, чувствовать, как он молча стоит надо мной, ощущать его любовь и гордость за меня, словно нечто осязаемое, обволакивающее, подобное теплым водам. Я хотела, чтобы он положил руку мне на макушку, как делал тогда, услышать в его голосе улыбку, когда он говорил: «Все читаешь, Кэнни?» Быть маленькой и любимой. И худенькой. Вот чего мне хотелось.

Я перекатилась, на ощупь схватила с ночного столика ручку и лист бумаги.

«Похудеть», – написала я, а потом задумалась.

Добавила: «Найти нового парня».

«Продать сценарий».

«Купить большой дом с садом и огороженным двором».

«Найти матери девушку поприличнее».

После пункта «Сделать и поддерживать модную стрижку» я успела подумать еще о «Заставить Брюса пожалеть» и наконец заснула.

Хороша в постели. Ха! Наглости ему не занимать, раз взялся за колонку о сексе, когда людей, с которыми он им занимался, раз, два и обчелся и до встречи со мной он толком ничего не умел.

Когда мы только замутили с Брюсом, на моем счету уже было четыре сексуальных партнера: с тремя – длительные отношения, с одним – глупые шуры-муры на первом курсе; еще с полудюжиной я от души пошалила. Я, может, девушка и крупная, но с тринадцати лет читаю «Космополитен» и умею обращаться с разными штучками. Никто, во всяком случае, не жаловался.

То есть мне опыта хватало. А Брюсу... нет. В старшей школе его несколько раз жестоко отшили, тогда он страдал от проблем с кожей и еще не обнаружил, что травка и собранные в хвост волосы гарантированно привлекают определенный тип девушек.

Когда Брюс явился ко мне той ночью, со спальником, в клетчатой рубашке, он уже не был девственником, но еще никогда не имел серьезных отношений и уж точно никогда не влюблялся. Так что он искал свою прекрасную леди, а я, пусть и не прочь случайно повстречать Того Самого, в основном искала... ну, скажем, чувственности, внимания. Ладно, скажем прямо: секса.

Мы начали на диване, сидя бок о бок. Я взяла Брюса за руку – та оказалась ледяной и влажной. А когда я ненавязчиво обняла его за плечи, прижалась бедром к его бедру, то ощутила, что он дрожит. Меня это тронуло. Я хотела быть с ним нежной, я хотела быть ласковой. Обхватив его руки своими, я потянула его с дивана.

– Пойдем на постель, – сказала я.

Ладонь в ладони, мы прошли в мою спальню, и Брюс лег на спину, его широко распахнутые глаза блеснули в темноте. Он слегка смахивал на пациента в кресле дантиста. Я приподнялась на локте, и кончики моих прядей мягко скользнули по его щеке. Когда я поцеловала его шею, он охнул, будто я его обожгла, а когда влезла одной рукой под рубашку и легонько потянула за волоски на груди, он выдохнул: «Ах, Кэнни» таким нежным голосом, какого я еще не слышала.

А вот его поцелуи оказались ужасными, слюнявыми, неуклюжие губы и язык вечно как будто куда-то исчезали при встрече с моими, так что мне оставалось выбирать между зубами и усами. Да и руки были неловкими, скованными.

– Лежи смирно, – шепнула я.

– Прости, – подавленный, шепнул он в ответ. – Я все делаю не так, да?

– Тш-ш, – выдохнула я, вновь касаясь его шеи губами, в чувствительном месте, где заканчивалась борода.

Скользнула рукой по его груди, невесомо накрыла промежность. Черта с два. Вжалась грудью в его бок, поцеловала лоб, веки, кончик носа, попыталась снова. Все еще ноль реакции. А вот это любопытно. Я решила показать ему фокус, научить, как порадовать меня, даже если не встало. Он жутко меня заводил, этот высокий парень с конским хвостом и таким выражением лица, будто я собиралась пытаться его током, а не... вот это все. Я обхватила его ногу своими, направила его руку мне в трусики. Наши взгляды встретились, и

он улыбнулся, ощутив, насколько там мокро. Я направила его пальцы куда нужно, накрывая его руку своей, надавливала, показывая, что делать, и принялась ерзать, давая ему ощутить мой пот, тяжелое дыхание и стон, когда я кончила. Потом снова ткнулась лицом в его шею, нашла губами ухо. «Спасибо тебе», – шепнула я, чувствуя вкус соли. Тоже пот? А может, слезы? Было темно, и я не стала поднимать голову и смотреть.

Так мы и заснули: я – в одной футболке и трусиках, обнимая Брюса, а он – все еще в расстегнутой лишь наполовину рубашке, трениках, трусах и носках. И когда в окна просочился солнечный свет, когда мы открыли глаза и взглянули друг на друга, нам показалось, будто мы провели вместе не одну ночь, а гораздо больше. Словно мы никогда и не были незнакомцами.

– Доброе утро, – прошептала я.

– Ты прекрасна, – произнес Брюс.

Я решила, что могла бы и привыкнуть слышать такое по пробуждении. Брюс решил, что влюбился. Мы стали парой на следующие три года и вместе многому научились. Со временем Брюс поведал мне все: что у него совсем мало опыта, что он всегда либо пьян, либо обкурен и вечно ужасно стесняется, что на первом курсе колледжа несколько раз получил от ворот поворот и смиренно решил запастись терпением. «Я знал, что однажды встречу ту самую», – сказал он, улыбаясь, прижимая меня к груди. Мы все выяснили: что

нравилось ему, что нравилось мне, что нравилось нам обоим. Что-то было незамысловатым. Что-то – настолько непристойным, что насторожились бы даже авторы из «Мокси», которые вели постоянные рубрики о новых «пламенных секретах секса».

Но что меня раздражало, что глодало мне сердце, пока я ворочалась с боку на бок с сушняком в холодном поту после возлияний текилы, было название колонки. «Хороши в постели». Да куда там. Сам-то по себе Брюс не половой гигант, не пододеяльный вундеркинд... все дело в том, что мы когда-то друг друга любили. И хороши в постели мы были вдвоем.

Утром в субботу меня разбудил телефон. Три звонка и тишина. Пауза секунд в десять, опять три звонка и тишина. Мать – не любитель автоответчиков, так что обычно, если она либо знала, либо предполагала, что я дома, то попросту названивала, пока ей не ответят. Сопротивление бесполезно.

– Это возмутительно, – буркнула я вместо «алло».

– Это твоя мать, вообще-то, – отозвалась та.

– Я в шоке. Перезвони позже, а? Пожалуйста. Еще так рано. Я очень устала.

– Ой, да хорош ныть, – оборвала меня мать. – У тебя просто похмелье. Заезжай за мной через час. Поедем на кулинарный мастер-класс в Рединг-Терминал.

– Нет, – заявила я. – Исключено.

Однако, произнося эти слова, я понимала, что могу возмущаться, и стенать, и придумывать семнадцать совершенно разных отговорок, а к полудню все равно буду сидеть в Рединг-Терминале и, умирая от стыда, слушать матушкин громкий и детальный критический разбор выбора блюд бе-долаги-повара и его навыков.

– Попей водички. Прими аспирин, – сказала она. – Увидимся через час.

– Ма, ну пожалуйста...

– Я полагаю, ты прочла статью Брюса. – Мать не то чтобы

умела плавно переходить с одной темы на другую.

– Ага, – подтвердила я, без лишних вопросов понимая, что мать тоже ее прочитала. На «Мокси» подписана моя сестра Люси, жадно поглощающая все материалы, так или иначе связанные с женственностью, так что экземпляр доставили прямиком к нам домой. А после вчерашней попытки вынести мне дверь – к гадалке не ходи, сразу ясно, что сестричка показала статью матери... или это был сам Брюс. От одной мысли о таком разговоре («Я звоню вам сообщить, что у меня в этом месяце вышла статья, и Кэнни, думаю, расстроится...») мне захотелось спрятаться под кровать. Если бы, конечно, могла туда поместиться. Я не хотела ходить по миру, где «Мокси» продается в магазинах и лежит в почтовых ящиках. Стыд обжигал, будто у меня на лбу красовалась огромная алая буква К., будто все вокруг знали, что я – та самая девушка из «Хороши в постели», и что я толстая, и что я бросила парня, который пытался меня понять и любить.

– Ну, я понимаю, что ты расстроена...

– Да я не расстроена! – рявкнула я. – Я в норме.

– О... – Мать явно ожидала от меня иного ответа. – Мне подумалось, что он поступил довольно паршиво.

– Он сам по себе паршивый.

– Он таким не был. Поэтому и удивительно.

Я тяжело откинулась на подушки. Голова ныла.

– Мы что, теперь будем спорить о его паршивости?

– Может, попозже, – произнесла мать. – До скорого.

В округе, где я выросла, есть два типа домов. Там, где родители остались в браке, и там, где нет.

Глянешь мельком – и те и другие выглядят одинаково. Разросшиеся, с четырьмя-пятью спальнями особняки в колониальном стиле, стоящие на приличном расстоянии от улицы без тротуаров, каждый на участке в акр. Большая часть выкрашена в сдержанные цвета с более яркими элементами, например, серый дом с синими ставнями или светло-бежевый с красной дверью. К большинству ведет длинная гравиевая дорожка, у многих на заднем дворе есть бассейны.

Но как присмотришься (или, что даже лучше, поживешь там немного), так начинаешь замечать разницу.

Жилища разведенков – те, у которых больше не останавливается грузовик газонокосильщика, мимо которых проезжает снегоуборка, не расчищая с утра после снегопада подъездную дорожку. Понаблюдаешь и увидишь вереницу хмурых подростков, а то и хозяйку дома, которая выходит сгрести листья, подстричь газон, перелопатить снег, подровнять кусты своими руками. Это дома, где мамина «Камри», или «Аккорд», или мини-вэн не меняется каждый год, а просто стареет, а второй автомобиль, если он вообще есть, – скорее всего, сменившая четырех владельцев развалина, купленная по объявлению в «Икзэминере», а не почтенная, «голая», но все-таки новенькая «Хонда Сивик» или, если мальчонке или девчонке очень уж повезет, папашина спортивная тачка, ко-

торуую он приобрел во время кризиса среднего возраста и забросил.

Ни тебе модного ландшафтного дизайна, ни многолюдных вечеринок у бассейна летом, ни строительных бригад, что поднимают шум в семь утра, пристраивая новый кабинет или расширяя хозяйскую спальню. Покраску затевают раз в четыре-пять лет, а не в два-три года, и к тому времени дом стоит уже более чем облупленный.

Однако лучше всего эти дома видно субботним утром, когда начинается то, что мы с друзьями окрестили парадом папаш. Каждую субботу примерно в десять или одиннадцать утра подъездные дороги нашей улицы – и соседних тоже – заполнялись автомобилями мужчин, которые раньше жили в этих больших домах с четырьмя-пятью спальнями. Один за другим они выходили из авто, тащились к дому, где когда-то спали, звонили в дверь и забирали детей на выходные. Эти дни, как рассказывали друзья, обычно полны всевозможных излишеств: походы по магазинам и торговым центрам, зоопарк, цирк, обед в кафе, ужин в ресторане, кино перед ним и после. Все что угодно, лишь бы потратить время, забить чем-то бессмысленные минуты между ребенком и родителем, которым вдруг оказалось почти что нечего друг другу сказать, когда иссякает либо обмен любезностями (если развод был по обоюдному согласию), либо плевки ядом (в спорных случаях, когда родители перетряхивали все измены и недостатки друг друга перед судьей, – а значит, и перед охо-

чей до сплетен общественностью, и в итоге перед собственными детьми).

Порядок, прекрасно известный всем моим друзьям. У нас с братом и сестрой был подобный опыт несколько раз, когда родители еще только расстались, а папаша еще не объявил, что желает быть нам не отцом, а скорее дядюшкой и что наши еженедельные встречи в его концепцию больше не вписываются. Ночь с субботы на воскресенье полагалось проводить на раскладной кровати в квартире родителя на другом конце города – маленькой и пыльной, забитой дорогой стереоаппаратурой и новейшими моделями теликов, обставленной кучей детских фотографий – или с их полным отсутствием. У нашего папаши мы с Люси делили раскладной диван с тонюсеньким матрасом, жестким каркасом и пружинами, которые все время впивались в тело, а Джош ложился в спальнике на полу рядом. Питание – исключительно вне дома. Редкий новоиспеченный одинокий папаша умел готовить или же имел желание овладеть этим навыком. Большинство, как выяснилось, просто ждали появления новой жены или девушки, которая и будет забивать ему холодильник, и каждый вечер сооружать ужин.

А утром воскресенья, когда наступала пора идти в церковь или еврейскую школу, парад повторялся, но как бы наоборот: машины все так же подъезжали, но из них выгружались дети, которые торопились к дому, стараясь хотя бы не бежать или не выказывать слишком уж явного облегчения, а

отцы уезжали, стараясь убраться оттуда не слишком уж быстро, напоминая себе, что все это мероприятие должно быть удовольствием, а не обязаловкой. Отцы приезжали год, два, три, четыре. Потом исчезали – чаще всего снова женились или просто перебирались в другие края.

Все, по правде говоря, было не так плохо – в сравнении со странами третьего мира или Аппалачами. Никто не страдал от физической боли, не знал настоящего голода. Да, уровень жизни резко ухудшался, но пригород Филадельфии все равно чертовски приятнее большей части планеты или нашей страны. Да, наши автомобили старели, каникулы проходили с куда меньшим размахом, а бассейны во дворе уже не сверкали чистотой, но зато они были, как и крыша над головой.

А матери и дети учились опираться друг на друга. Развод учил нас справляться со всем, будь то стесненное материальное положение или ситуация, когда вожатая герлскаутов спрашивает, что бы мы хотели видеть на банкете для отцов и дочерей (наиболее предпочтительный ответ – «отца, хоть какого-то»). Мы с подругами научились быть легкомысленными и жесткими, эдаким отрядом юных циников – и все это еще до того, как нам стукнуло шестнадцать.

Мне, впрочем, всегда хотелось знать, что испытывают отцы, уезжая прочь от дома, в который они когда-то возвращались каждый вечер, да и обращают ли они по-настоящему внимание на эти дома, замечают ли, как с их уходом все ветшает и облупливается. Этим же вопросом я задалась

вновь, припарковавшись у дома, где выросла. Выглядел он еще задрипанней, чем обычно. Ни мать, ни ее кошмарная спутница жизни Таня не особо жаловали работу во дворе, так что газон был усыпан заносами жухлых бурых листьев. Гравий на подъездной дороге истончился, как волосы, зачесанные на покрытую пигментными пятнами лысину старика. За маленьким сараем для инвентаря тускло блеснул металл. В сарае мы держали велосипеды. А Таня навела там «порядок»: выволокла все старые велики, от трехколесных до забытых десятискоростных, и бросила ржаветь снаружи. «Считайте это произведением искусства», – призывала мать, когда Джош жаловался, что эта велосвалка делает нас похожими на какую-то бедноту. Интересно, проезжал ли вообще наш отец мимо, знал ли, как нынче живет наша мать, или его вполне устраивало, что трое его детей живут где-то там сами по себе, все уже взрослые и чужие.

Мать ждала на подъездной дорожке. Как и я, высокая и в теле (ПЫШНАЯ ДАМА, усмехнулся в моей голове голос Брюса). Но если я – песочные часы (крайне полные песочные часы), то мать похожа на яблоко – круглый торс на подтянутых, мускулистых ногах. Бывшая школьная звезда тенниса, баскетбола и хоккея на траве, нынешняя звезда «Двустволок» (ее верной лесбийской командой по софтболу), Энн Гольдблум-Шапиро сохранила и манеру держаться, и убеждения бывшего спортсмена, а потому искренне верила, что любую проблему можно решить и любую ситуацию мож-

но улучшить отменной прогулкой быстрым шагом или парой-тройкой кружочков по бассейну.

Она носит короткую стрижку и не пытается закрашивать седину, предпочитает удобную одежду серого, бежевого и светло-розового тонов. Глаза у нее такие же зеленые, как и у меня, но не такие мелкие и встревоженные, а еще она много улыбается. Она из тех, к кому постоянно обращаются незнакомцы – спросить дорогу, совет, честный ответ на вопрос: не кажется ли зад интересующейся персоны в плавках, которые сия персона примеряет в магазине сниженных цен, больше, чем есть на самом деле.

Сегодня для нашего выхода в свет мать надела широкие светло-розовые спортивные брюки, синюю водолазку, одну из четырнадцати пар кроссовок (каждая для своего вида деятельности) и ветровку, украшенную треугольным радужным значком. Никакого макияжа – мать никогда им не баловалась, – волосы как обычно торчат во все стороны без укладки. Усаживаясь в машину, мать сияла. Для нее бесплатные кулинарные мастер-классы на самом главном рынке Филадельфии тире месте для встреч были лучше любого стендап-шоу. О том, что участие зрителей в них не предусмотрено, никто ей сообщить не удосужился.

– Тонко, – кивнула я на значок.

– Нравится? – спросила мать, совершенно не замечая сарказма. – Мы с Таней купили их в Нью-Хоупе на прошлых выходных.

– А мне прихватили?

– Нет, – не клюнула на приманку мать. – Тебе взяли кое-что другое.

Она вручила мне маленький прямоугольник, завернутый в фиолетовую бумагу. Стоя на светофоре, я глянула, что там внутри, и обнаружила магнит с мультяшной на всю голову кудрявой девчонкой в очках. «Я не лесби, а вот мама – да» – гласила надпись. Идеально.

Я покрутила настройки радио и промолчала все полчаса до города. Мать тихонько сидела рядом, очевидно ожидая, когда же я заговорю о последнем опусе Брюса. В Реддинг-Терминале, между овощным прилавком и холодильником со свежей рыбой, я наконец сдалась.

– «Хороши в постели», – фыркнула я. – Ха!

Мать бросила на меня косой взгляд.

– Как понимаю, сам он не особо был?

– Я не хочу это с тобой обсуждать, – буркнула я.

Мы пробрались мимо булочных, мимо тайской и мексиканской еды и нашли свободные места на мастер-классе. Шеф-повар – он же, как мне помнилось, три недели назад вел занятие по излюбленным блюдам южан – побледнел при виде моей матери.

Та пожала плечами в ответ на мое ворчание и уставилась на доску. Сегодняшний мастер-класс назывался «Классика американской кухни из пяти ингредиентов». Шеф принял-ся разглагольствовать. Один помощник, нескладный прыща-

вый подросток из Ресторанной школы, взялся шинковать капусту.

– Он оттяпает себе палец, – изрекла предсказание мать.

– Тш-ш! – одернула ее я; сидящие в первых рядах завсегдатаи мастер-классов, в основном пожилые люди, воспринимающие это действо слишком уж серьезно, одарили нас недовольными взглядами.

– Ну отрубит же, – не сдавалась мать. – Нож держит совсем неправильно. Так вот, возвращаясь к Брюсу...

– Я не хочу об этом говорить.

Шеф растопил на сковороде здоровенный кусок масла, затем добавил туда бекон. Моя мать ахнула так, будто на ее глазах только что кого-то обезглавили, и вскинула руку.

– А у этого рецепта есть более безопасная для сердца версия?

Шеф вздохнул и заговорил об оливковом масле. Мать снова переключилась на меня.

– Забудь Брюса. Ты достойна лучшего.

– Мама!

– Тш-ш! – зашипели гурманы из первых рядов.

Мать покачала головой:

– Глазам не верю.

– В смысле?

– Ты посмотри на эту сковородку. Она же мала.

И точно: начинающий шеф пытался втиснуть в неглубокую сковородку слишком уж много неаккуратно нашинко-

ванной капусты. Мать снова подняла руку. Я дернула ее вниз.

– Просто забей.

– А чему он научится, если никто не будет указывать ему на ошибки? – возмутилась мать, с прищуром глядя на сцену.

– Именно, – согласилась женщина рядом с матерью.

– И если он собирается обваливать курицу в муке, – продолжила та, – сперва, мне кажется, все-таки следует натереть ее приправами.

– Пробовали кайенский перец? – оживился пожилой мужчина перед нами. – Много, конечно, не нужно, но всего щепоточка придает отменный вкус.

– Тимьян тоже неплох, – отозвалась моя мать.

– Тоже мне, Джулия Чайлд ³. – Я закрыла глаза и сползла пониже на своем складном стуле.

Шеф тем временем перешел к засахаренному батату и яблочным оладьям, а моя мать все продолжала допрашивать его о заменителях, модификациях, способах приготовления, которыми овладела за долгие годы бытия домохозяйкой, не забывая комментировать все происходящее на потеху сидящих вокруг и к ярости всего первого ряда.

Позже, за капустино с горячими брецелями, купленными в палатке амишей, мать выдала мне речь, которую, не сомне-

³ Джулия Кэролин Чайлд – американский шеф-повар XX века, соавтор книги «Осваивая искусство французской кухни» и ведущая популярных кулинарных шоу. В 2009 году вышел голливудский фильм «Джули и Джулия: Готовим счастье по рецепту», где Джулию Чайлд сыграла Мерил Стрип.

ваюсь, готовила с прошлого вечера.

– Знаю, сейчас тебе обидно и больно, – начала она, – но в мире полным-полно мужчин.

– Ага, точно, – буркнула я, глядя в стаканчик.

– И женщин, – услужливо добавила мать.

– Ма, сколько раз повторять? Я не лесбиянка! И не интересуюсь.

Та качнула головой в шуточной печали.

– А ведь я возлагала на тебя такие надежды! – изобразила она вздох и кивнула на прилавок, заваленный щуками и карпами с открытыми ртами, выпученными глазами, блестящей серебром чешуей. – Вот тебе наглядный урок.

– Это рыбный прилавок.

– Это знак, что в море полно рыбы.

Мать подошла к нему, постучала ногтем по стеклу. Я неохотно шагнула следом.

– Видишь? Представь, что каждая рыбина – это одинокий парень.

Я уставилась на рыбу. Рыбины, стопками по шесть тушек на колотом льду, как будто уставились в ответ.

– Манеры у них явно получше, – заключила я. – С некоторыми, наверное, и беседовать поприятнее.

– Хотите рыбу? – спросила низкорослая азиатка в резиновом фартуке до пола и с разделочным ножом в руке; я на секунду даже задумалась, не одолжить ли его и каково было бы выпотрошить Брюса. – Хорошая рыба!

– Нет, спасибо, – ответила я.

Мать увела меня обратно к столику.

– Не расстраивайся ты так. Уже через месяц этой статьёй будут клетки попугайчикам застилать...

– Какая окрыляющая для журналиста мысль.

– Не язви.

– А что мне остается, – вздохнула я.

Мы снова сели. Мать подняла стаканчик с кофе.

– Это все потому, что его взяли на работу в журнал? – смело предположила она.

Я вздохнула уже глубже.

– Возможно, – признала я.

И правда: увидеть, как звезда Брюса всходит, а моя торчит на месте, все-таки обидно. Даже если бы в его первой статье речь шла не обо мне.

– У тебя все хорошо. Будет и на твоей улице праздник.

– А если нет?! – вскинулась я. – Что, если у меня так и не появится другая работа, другой парень...

Мать махнула рукой, мол, даже думать о подобном слишком глупо.

– Ну а вдруг? – сбивчиво настаивала я. – У него теперь колонка, он пишет роман...

– Говорит, что пишет роман, – заметила мать. – А это не обязательно правда.

– У меня больше никогда не будет парня, – безжизненно отрезала я.

Мать вздохнула:

– Знаешь, наверное, здесь отчасти есть и моя вина.

Тут я насторожилась.

– Когда твой отец говорил всякое...

Такой поворот беседы меня совершенно не устраивал.

– Мам...

– Нет, нет, Кэнни, дай мне договорить. – Мать глубоко вздохнула. – Он был ужасен. Жесток и ужасен, а я позволяла ему слишком многое и слишком долго молчала.

– Что было, то прошло.

– Я сожалею, – произнесла мать, и эти слова, пусть я их, разумеется, уже от нее слышала, в который раз причинили мне боль, ведь они напоминали мне, за что она извиняется и как плохо тогда было. – Сожалею, потому что знаю, что из-за случившегося ты и стала такой.

Я встала и, подхватив наши стаканчики, остатки брежелей, использованные салфетки, направилась на поиски мусорного бака.

Мать последовала за мной.

– Какой «такой»? – спросила я.

Она задумалась:

– Ну, ты не очень-то дружишь с критикой.

– И не говори.

– Ты недовольна своей внешностью.

– А ты покажи мне женщину, которая ею довольна, – парировала я. – Просто не каждой понравится, когда ее ком-

плексы становятся достоянием миллионов читателей «Мокси».

– И мне жаль... – Она бросила печальный взгляд на столы в центре рынка, за которыми собирались целые семьи – ели сэндвичи или пили кофе, пересказывая друг другу новости из «Икзэминера». – Мне жаль, что ты так мало веришь в себя. Я имею в виду личную жизнь.

И снова тема, которую я совершенно не хотела обсуждать с матерью, на старости лет подавшейся в лесбиянки.

– Ты еще найдешь того самого.

– Ага, отбоя нет от вариантов.

– Ты пробыла с Брюсом слишком долго...

– Ма, хватит!

– Он казался неплохим. Но я знала, что ты не любишь его по-настоящему.

– Я думала, ты уже сошла с арены гетеросексуальных советов.

– А я как специально приглашенный гость, появляюсь по мере необходимости, – весело ответила мать.

Снаружи, у машины, она грубовато стиснула меня в объятиях – что, я знала, было для нее большим шагом. Моя мать великолепно готовит, умеет слушать, хорошо разбирается в людях, но нежности и прочие сюси-пуси ей никогда особо не давались.

– Люблю тебя, – сказала она, что тоже было ей несвойственно.

Однако я не собиралась возражать. Я нуждалась в каждой капле любви, которую могла получить.

В понедельник утром я сидела в приемной на седьмом этаже Центра по проблемам веса и нарушения пищевого поведения Филадельфийского университета в окружении настолько полных женщин, что они даже не могли закинуть ногу на ногу. Все мы едва помещались в местных креслах. Руководи я подобным заведением, то поставила бы диванчики.

– Несколько анкеток. – Улыбающаяся тощая медсестра на регистрации вручила мне пачку бланков толщиной в полтора сантиметра, планшет и ручку.

– Вот тут у нас завтрак, – прощепетала она, указывая на кучку ссохшихся рогаликов, контейнер обезжиренного сливочного сыра и кувшин апельсинового сока с толстым слоем мякоти на поверхности.

«Как будто кто-то станет здесь есть», – подумала я, проходя мимо рогаликов, и уселась со своими бумажками под постером «Стряхиваем вес... шаг за шагом!» с моделью в трико, порхающей по цветочному лугу. Вот уж чего я точно не собиралась делать, насколько бы ни похудела.

Имя. Легко. Рост. Без проблем. Текущий вес. Тьфу. Минимальный вес во взрослом возрасте. А четырнадцать считается взрослым? Причина желания похудеть. Поразмыслив с минуту, я нацарапала: «Была унижена в национальном издании». Поразмыслив еще с минуту, добавила: «Хотела бы

повысить самооценку».

Следующая страница. История диет. Максимальные веса, минимальные веса, программы, в которых я принимала участие, насколько удавалось похудеть, как долго удавалось удержать вес. «При необходимости, пожалуйста, используйте обратную сторону листа» – подсказывал бланк. У меня эта необходимость возникла. Мельком оглядев приемную, я поняла, что у остальных тоже. Одна даже попросила чистый листок.

Третья страница. Вес родителей. Вес бабушек и дедушек. Вес братьев и сестер. Я заполнила их наугад. Не то чтобы мы обсуждали подобное во время семейных собраний. Страдаю ли я булимией, практикую голодание, злоупотребляю слабительными, одержима спортом? Если да, подумалось мне, то выглядела ли я бы вот так?

Пожалуйста, укажите пять своих любимых ресторанов. Ну, это легко. На одной своей улице по пути я могла насчитать пять мест, где шикарно кормят – что угодно, от спринг-роллов до тирамису, и это только в пределах трех кварталов. Филадельфия по-прежнему живет в тени Нью-Йорка и часто ведет себя словно обиженная младшая сестренка, которая никогда не попадала в список отличников или в совет, организующий школьный бал. Однако ресторанный ренессанс у нас все же случился, и я живу в районе, который хвастался первой французской блинной, первой японской лапшичной и первым рестораном с шоу трансвеститов (переодетые

женщинами мужики не ахти, а кальмары божественные). А еще в каждом квартале обязательно по две кофейни, отчего я подседа на латте и булочки с шоколадной крошкой. Да, не завтрак чемпиона, знаю, но что делать бедной девушке, кроме как пытаться устоять перед чизкейками на каждом углу в качестве компенсации? Плюс Энди, мой единственный настоящий друг в редакции, был ресторанным критиком; я часто сопровождала его в походах по объектам и ела фуа-гра, и рийет из кролика, и телятину, и оленину, и обжаренного морского окуня в лучших заведениях города, пока Энди бормотал в миниатюрный микрофон, спрятанный под воротником.

Пять предпочтений в еде. А вот тут уже начинались сложности. Десерты, по моему мнению, никак нельзя ставить в один ряд с основными блюдами, завтрак – вообще отдельная категория, а пять любимых блюд, которые я умела готовить, не имели никакого отношения к пятерке тех, что я могла заказать. Запеченный цыпленок и картофельное пюре – мой топ для заедания стресса, но разве можно их сравнивать с шоколадными тартами и крем-брюле из «Парижской пекарни» на Ломбард-стрит? Или фаршированными виноградными листьями из «Вьетнама», жареной курочкой из «Далилы» и брауни из «Ле Бю»? Я писала и зачеркивала. Вспомнила шоколадный пудинг из «Силк-Сити Дайнер», горячий, покрытый взбитыми сливками, и пришлось начать заново.

Семь страниц вопросов о физическом здоровье. Есть ли

шумы в сердце, высокое давление, глаукома? Беременна ли я? Нет, нет и еще тысячу раз нет. Шесть страниц вопросов о душевном здоровье. Ем ли я, когда расстроена? Да. Ем ли я, когда счастлива? Да. Набросилась бы на эти рогалики и дерьмовый на вид сливочный сыр сию же секунду, если бы рядом не было людей? Еще бы!

К вопросам о психологическом состоянии. Часто ли страдаю депрессией? Я обвела «иногда». Случаются ли мысли о самоубийстве? Я поморщилась, обвела «редко». Бессонница? Нет. Ощущение собственной никчемности? Да, пусть я и понимала, что это не так. Фантазировала ли я о том, чтобы срезать полные или дряблые области своего тела? А что, кто-то не?.. Добавьте свои мысли. Я написала: «Меня устает все, кроме внешности». Потом дополнила: «И личной жизни».

Я тихонько прыснула от смеха. Женщина, втиснутая в соседнее кресло, робко улыбнулась. Ее наряд, как мне всегда казалось, считался у толстушек самым шиком: легинсы и туника нежно-голубого цвета с маргаритками на груди. Красиво и не дешево, но это одежда для спорта. Словно модные дизайнеры решили, что стоит женщине достигнуть определенного веса, то ей больше не нужны деловые костюмы, юбки и блейзеры, ничего, кроме пресловутых тренировочных шмоток с вышитыми маргаритками в качестве извинения, что нас превращают в телепузиков-переростков.

– Смеюсь, чтобы не плакать, – пояснила я.

– Ясно, – кивнула женщина. – Я Лили.

– А я Кэндис. Кэнни.

– Не Кэнди, как конфетка?

– Думаю, родители решили не давать детям на площадке такой повод для насмешек.

Лили улыбнулась. Ее блестящие черные волосы были зачесаны назад, скручены и скреплены парой лакированных палочек, в ушах сверкали бриллианты размером с арахис.

– От этого есть толк, как думаете? – спросила я.

Она пожала толстыми плечами:

– Я сидела на фен-фене ⁴. Сбросила тридцать шесть килограммов.

Лили полезла в сумочку. И я знала, что оттуда покажется. Обычные женщины носят с собой фото детей, мужей, загородных домов. Толстушки – собственные снимки в период максимальной стройности. Лили показала мне фото в полный рост, анфас, в черном костюме, и в профиль, в мини-юбке и свитере. Выглядела она, само собой, потрясающе.

– Фен-фен, – повторила она и невероятно тяжело вздохнула; такая грудь, как у нее, казалось, способна вздыматься лишь по велению чего-то вроде приливно-отливного цикла и гравитации, и уж никак не воли простого человека. – Я чувствовала себя так замечательно. – Ее взгляд затуманился. –

⁴ Фен-фен (англ. *fen-phen*) – препарат для похудения, появившийся в 1980-х в качестве замены запрещенного к использованию в целях снижения веса амфетамина. Сегодня фенил-флурамин, входящий в состав препарата, запрещен в большинстве стран из-за опасных побочных эффектов.

Совершенно не хотелось есть. Я как будто летала.

– На спидках такое бывает, – заметила я.

Лили не слушала.

– Я целый день прорыдала, когда его сняли с продажи.

Билась как могла, но набрала все обратно в мгновение ока. –

Она сощурилась. – Убила бы за упаковку фен-фена.

– Но... – неуверенно начала я. – Разве он не вызывает проблемы с сердцем?

Лили фыркнула:

– Если б можно было выбрать, быть такой огромной или умереть, клянусь, я задумалась бы. Это же просто смешно! Можно пройти два квартала и купить кокаин, а фен-фен ни-почем не достать.

– Ох, – ничего другого мне на ум не пришло.

– Никогда не пробовали фен-фен?

– Нет. Только программу «Весонаблюдателей».

Мои слова всколыхнули у окружающих женщин целую волну жалоб и закатывания глаз.

– ВЕСОнаблюдатели!

– Полная лажа.

– Дорогушая лажа.

– Стоять в очереди, чтобы какая-то худышка тебя взвесила...

– И весы у них всегда врут, – добавила Лили, после чего раздался хор согласных «Ага!».

Девушка размера М на регистрации забеспокоилась. Вос-

стание толстушек! Я заулыбалась, представляя, как мы несемся по коридору – эдакая охваченная праведным гневом армия в обтягивающих штанишках, что распинывает весы, разбрасывает тонометры, срывает со стен плакаты с соотношением роста и веса и заставляет весь тощий персонал их жевать, пока мы пируем рогаликами с обезжиренным сливочным сыром.

– Кэндис Шапиро?

Меня вызывал высокий доктор с невероятно глубоким голосом. Лили стиснула мою ладонь.

– Удачи, – шепнула она. – И если у него там есть фен-фен, хватайте!

Доктор, сорока с небольшим лет, тощий (естественно), с тронутыми сединой висками, теплым рукопожатием и большими карими глазами отличался очень уж внушительным ростом. Даже в «мартинсах» на толстой подошве я едва доставала ему до плеча, а значит, в нем как минимум под два метра. Его имя звучало как доктор Крушелевски, только с большим количеством слогов.

– Зовите меня доктор Кей, – снизошел он тем же абсурдно густым, абсурдно тягучим басом.

Я все ждала, когда же он бросит зачем-то изображать Барри Уайта и заговорит нормально, чего так и не случилось, и я сообразила, что этот бас-профундо и есть его обычный голос. Я села, прижимая к груди сумочку, а доктор принялся листать мои бланки с ответами. Глядя на одни он шурил-

ся, на другие – хохотал вслух. Пытаясь расслабиться, я огляделась. Кабинет выглядел приятно. Кожаные диванчики, в меру захламленный письменный стол, вроде бы настоящий восточный ковер со стопками книг, бумаг и журналов, телевизор с видеомагнитофоном в одном углу, маленький холодильник, увенчанный кофемашиной, в другом. Мне стало интересно, не случилось ли доктору здесь ночевать... раскладывался ли диван? В таком кабинете даже хотелось пожить.

– Была унижена в национальном издании, – прочитал доктор вслух. – Что стряслось?

– Брр. Вам лучше не знать.

– Отнюдь. Кажется, такого необычного ответа я еще не видел.

– Ну, мой парень... – Я поморщилась. – Бывший парень. Простите. Он ведет эту рубрику в «Мокси»...

– «Хороши в постели»?

– Ну, хочется верить, что да.

Доктор покраснел:

– Нет... я имею в виду...

– Да, именно эту рубрику Брюс и ведет. Только не говорите, что читали ту статью.

Если уж сорокалетний врач-диетолог ее читал, то все остальные окружающие меня люди и подавно.

– Я ее даже вырезал. Подумал, нашим пациентам понравится.

– Что? Почему?

– Ну, в ней довольно тонко описывается восприятие...
восприятие...

– Толстушки?

Доктор улыбнулся:

– Он ни разу вас так не назвал.

– Зато назвал всем остальным.

– Так вы здесь из-за статьи?

– Отчасти.

Доктор внимательно на меня посмотрел.

– Ладно, по большей части. Просто я не... я никогда не думала о себе... так. Как о пышной даме. То есть я понимаю, что я... пышная... и что мне нужно похудеть. В смысле, я же не слепая, и я не игнорирую веяния общества и какими американцы ходят видеть женщин...

– Так вы здесь из-за ожиданий Америки?

– Я хочу быть худенькой.

Доктор смотрел на меня в ожидании продолжения.

– Хотя бы просто похудеть.

Он пролистал мои бланки.

– Ваши родители имеют избыточный вес.

– Ну... можно сказать и так. Мама слегка крупновата. Отец... я не видела его много лет. Когда он от нас ушел, у него был живот, но... – Я умолкла. По правде сказать, я не знала, где жил отец, и мне всегда становилось неловко, если о нем заходил разговор. – Понятия не имею, как он сейчас выглядит.

Доктор оторвался от моих записей.

– Вы с ним не видите?

– Нет.

Он сделал пометку.

– Как насчет братьев, сестер?

– Оба тощие, – вздохнула я. – Только я попала под жирную раздачу.

Доктор рассмеялся:

– Попала под жирную раздачу. Никогда не слышал такой фразы.

– Ага, у меня таких миллион в запасе.

Он продолжил листать бланки.

– Вы репортер?

Я кивнула. Он вернулся на несколько страничек.

– Кэндис Шапиро... видел ваше имя в журналах.

– Правда?

Тут я искренне удивилась. Большинство читателей не обращают никакого внимания на авторство статей.

– Вы иногда пишете о телевидении, – пояснил доктор, и я снова кивнула. – Выходит очень забавно. Вам нравится эта работа?

– Я люблю эту работу, – ответила я и даже не покривила душой.

Когда я не заикливалась на том, что репортерская работа по сути – штука крайне нервная и слишком публичная и не лелеяла мечту о кондитерской, я умудрялась получать от нее

удовольствие.

– Она классная. Интересная, каверзная... и все такое.

Доктор что-то пометил в папке.

– И вы чувствуете, что вес влияет на результаты вашего труда... сказывается на зарплате, на карьерном росте?

Я крепко задумалась:

– Не то чтобы. То есть иногда люди, у которых я беру интервью... ну, вы знаете, они худые, я – нет, и я им немного завидую, наверное, или задаюсь вопросом, а не думают ли они, что я просто лентяйка и так далее, и тогда приходится внимательнее следить за тем, что я пишу в статье, чтобы не выплеснуть там личное отношение. Но я хороша в своем деле. Меня уважают. Кто-то даже боится. И это крупное издание, так что финансово у меня все о'кей.

Доктор Кей рассмеялся и опять принялся листать бланки, замедлившись на вопросах о психическом здоровье.

– В прошлом году посещали психотерапевта?

– Примерно восемь недель.

– Позвольте спросить почему?

Я снова крепко задумалась. Нелегко сказать встреченному минуту назад человеку, что твоя мать в пятьдесят шесть лет вдруг объявила о нетрадиционной ориентации. Особенно эдакому тощему белому Джеймсу Эрлу Джонсу, который наверняка так развеселится, что повторит мои слова вслух. И, возможно, не один раз.

– Семейные проблемы, – наконец ответила я.

Доктор продолжал молча на меня смотреть.

– У матери... случился новый роман, он стремительно развивался, и я слегка психанула.

– И психотерапевт помог?

Я вспомнила женщину, к которой меня отправили по медстраховке, тихую мышку с кудряшками как у маленькой сиротки Энни. Она носила очки на цепочке и, кажется, немного меня побаивалась. Может, не ожидала в первые же пять минут консультации услышать о матери, свежееиспеченной лесбиянке, и отце, бросившем семью. Она все время сидела с легкой тревогой на лице, будто опасалась, что я вот-вот сигану к ней через стол, смахнув по пути коробку салфеток, и примусь душить.

– Вроде того. Напирала, что я никак не повлияю на поступки членов семьи, зато могу реагировать на них иначе.

Доктор опять что-то нацарапал. Я попыталась как можно незаметней вытянуть шею и что-нибудь разглядеть, но наклон листа не позволил.

– Дельный совет?

Я внутренне содрогнулась, вспоминая, как спустя шесть недель после начала их отношений Таня поселилась у нас в доме и перво-наперво заменила всю мебель из моей старой спальни радужными овцами солнца, книгами по саморазвитию и двухтонным ткацким станком. В знак благодарности она сшила Нифкину маленький полосатый свитер. Нифкин походил в нем разок, а потом сожрал.

– Вроде того. То есть ситуация не идеальна, но я вроде как уже привыкаю.

– Ну и хорошо. – Доктор захлопнул папку. – Дело вот в чем, Кэндис.

– Кэнни, – поправила его я. – Меня называют Кэндис, только если я вляпалась.

– Кэнни, – согласился он. – Мы проводим годовое испытание препарата сибутрамин, сродни фен-фену. Вы когда-нибудь принимали фен-фен?

– Нет, но в приемной сидит женщина, которой его ужасно не хватает.

Доктор снова улыбнулся. И я заметила у него на левой щеке ямочку.

– Предупрежден – значит вооружен. Так вот, сибутрамин гораздо мягче фен-фена, но действует ровно так же, то есть, по сути, обманывает мозг и заставляет его считать, что вы сыты дольше. Положительный момент – этот препарат не вызывает побочных эффектов, как фен-фен. Нас интересуют женщины, чей вес как минимум на тридцать процентов превышает идеальный...

– ...и рады мне сообщить, что я как раз подхожу, – кисло закончила я.

И опять доктор улыбнулся:

– Так вот, уже проведенные исследования показывают, что пациенты теряют от пяти до десяти процентов массы тела за год.

Я быстро подсчитала. Десять процентов и близко не поможет мне достичь желаемого веса.

– Вы разочарованы?

Он что, шутил? Да у меня руки опускались от обиды! Современная наука пересаживала сердца, отправляла старперов на луну и возвращала им эрекцию, а как мне, так жалкие десять процентов?!

– Все лучше, чем ничего.

– Десять процентов – это гораздо лучше, чем ничего, – серьезно проговорил доктор. – Исследования показывают, что потеря даже каких-то трех-четырех килограммов способна оказать существенное влияние на давление и уровень холестерина.

– Мне двадцать восемь. Давление и холестерин у меня в порядке. На здоровье не жалею. – Я как со стороны услышала, что повысила голос. – Я хочу похудеть. Мне нужно похудеть.

– Кэндис... Кэнни...

Я глубоко вздохнула и уткнулась лицом в ладони.

– Простите.

Доктор положил руку мне на предплечье. Приятное ощущение. Наверное, в мединституте научили: если пациентка впадает в истерику, услышав, что похудеет на какие-то крохи, ласково коснитесь ее предплечья... Я отодвинулась.

– Послушайте, – произнес доктор. – Посмотрим на ситуацию трезво: с вашей наследственностью и фигурой вы и не

должны быть худой. И это не конец света.

Я не подняла головы.

– Ой ли?

– Вы здоровы. Вас не мучают боли...

Я закусила губу. Ему-то откуда знать. Помню, как в четырнадцать или около, во время летних каникул где-то на побережье я гуляла с худышкой-сестрой Люси. Мы были в бейсболках, в купальниках, шортах и шлепанцах. И мы ели мороженое. Я могла закрыть глаза и как наяву увидеть свои загорелые ноги на фоне белых шорт, ощутить сладость на языке. К нам, улыбаясь, подошла седая, добренькая на вид старушка. Я думала, она скажет, что мы напоминаем ей внучек или что скучает по собственной сестре, по их детским играм. А она кивнула Люси, остановилась передо мной и указала на мороженое: «Брось-ка ты его, голубушка. Тебе бы на диету». У меня много таких воспоминаний. Крошечные обиды, которые все копились, налипали комьями, которые я повсюду за собой носила, как зашитые в карманы камни. Вот она, цена бытия ПЫШНОЙ ДАМОЙ. Не мучают боли. Каков шутник.

Доктор кашлянул:

– Побеседуем о мотивации.

– О, этого добра хоть отбавляй. – Я подняла голову и выдавила кривую улыбку. – Что, не видно?

Он улыбнулся в ответ и скрестил руки.

– Мы также ищем людей с правильной мотивацией. Вы,

наверное, и сами уже знаете: люди, которые добиваются наибольшего долгосрочного успеха в управлении весом, приходят к этому решению ради себя. Не ради супругов, родителей, грядущей встречи выпускников или стыда, оттого что кто-то там что-то написал.

Мы молча уставились друг на друга.

– Я хотел бы проверить, – продолжил доктор, – сумеете ли вы назвать иные причины похудеть, помимо того, что сейчас вы расстроены и сердитесь.

– Я не сержусь, – сердито возразила я.

На сей раз он остался серьезен.

– Так что насчет иных причин?

– Я жалкая, – выпалила я. – Мне одиноко. А с такой никто не станет встречаться. Я умру в одиночестве, и моя собака обглодает мне лицо, и никто нас не найдет, пока из-за двери не начнет вонять.

– Крайне маловероятно, – заметил доктор с улыбкой.

– Это вы мою собаку не знаете, – отозвалась я. – Так что, я принята? Дадут лекарство? А можно прямо сейчас?

И снова улыбка.

– Мы с вами свяжемся.

Я встала. Доктор снял с шеи стетоскоп и похлопал по столу для осмотра.

– Перед уходом у вас возьмут анализ крови. А сейчас я бы хотел послушать ваше сердце. Присядьте-ка, пожалуйста.

Я села на мятую одноразовую простыню и закрыла глаза,

чувствуя, как по моей спине скользнули руки. Меня касался мужчина, с хоть каким-то намеком на участие или любезность – впервые со времен Брюса. От этой мысли подступили слезы. «А ну не смей, – сурово одернула я себя, – а ну не реви».

– Вдох, – спокойно сказал доктор Кей. Если он и догадывался о происходящем со мной, то не подал виду. – Хороший глубокий вдох... задержите... и выдох.

– Ну как, на месте? – поинтересовалась я, глядя на склоненную голову доктора, пока тот втискивал стетоскоп под мою левую грудь, и добавила, не успев прикусить язык: – Или таки разбилось?

Он с улыбкой выпрямился.

– На месте. Не разбилось. Более того, сильное и здоровое. – Доктор протянул руку. – Думаю, все будет хорошо. Мы с вами свяжемся.

Снаружи, в приемной, Лили с вышитыми на груди маргаритками все так же сидела в своем кресле, а на колене у нее балансировала половинка бейгла.

– Ну как?

– Говорят, свяжутся, – ответила я.

В руках Лили держала лист бумаги. Я даже не удивилась, поняв, что это ксерокопия статьи Брюса Губермана.

– Читали? – спросила Лили.

Я кивнула.

– Прекрасная статья. Очень понимающий парень. – Ли-

ли поерзала, насколько позволило кресло, и встретила со мной взглядом. – Представляете, это ж какой надо быть идиоткой, чтобы такого упустить?

Я считаю, что каждый одинокий человек должен завести собаку. Прямо на государственном уровне должно быть прописано: если ты не в браке и не в отношениях, и неважно, брошен ли, или разведен, или овдовел, или еще что, тебе должны обязать немедленно проследовать в ближайший приют и выбрать четвероногого друга.

Они задают твоим дням ритм и цель. Когда от тебя зависит собака, нельзя спать допоздна, нельзя где-то пропадать сутки напролет.

Каждое утро, и неважно что я пила, чем занималась, разбито у меня сердце или нет, Нифкин меня будил, осторожно прикладывая нос к моим векам. Удивительно понимающий маленький песик, готовый терпеливо сидеть на диване, изящно скрестив перед собой лапки, пока я подпеваю мюзиклу «Моя прекрасная леди» или вырезаю рецепты из журнала «Круг семьи», хотя у меня, как я любила шутить, ни семьи, ни круга.

Нифкин – маленький ладный рэт-терьер ⁵, белый с черными пятнами и коричневыми отметинами на длинных толстых лапках. Он весит ровно четыре с половиной килограмма и выглядит как страдающий анорексией ужасно нервный

⁵ Нифкин дворняжка, но Кэнни придумала ему породу (рэт – от англ. rat, крыса).

джек-рассел с ушками добермана, вечно стоящими торчком. Он мне достался «подержанным», от коллег, троицы спортивных журналистов из моей первой газеты. Они арендовали дом и решили, что теперь им необходима собака. Вот и взяли из приюта Нифкина – в полной уверенности, что вырастет доберман. А он, разумеется, был даже никакой не щенок... а вполне себе взрослый крысиный терьер с огромными ушами. По правде говоря, его как будто сшили из разных собак, просто шутки ради. А еще он постоянно ухмыляется как Элвис – якобы от того, что в щенячестве его укусила мать. Но в присутствии мальчика я не упоминаю его недостатки. Он очень трепетно относится к своей внешности. Прямо как хозяйка.

«Спортсмены» на протяжении полугода то окружали Нифкина вниманием и угощали пивом из миски для воды, то запирали на кухне и напрочь про него забывали, и все ждали, когда же он станет настоящим доберманом. Потом одного пригласили на работу в газету Форт-Лодердейла, а двое других решили разъехаться по отдельным квартирам. И никто не хотел забирать с собой беспокойного малыша Нифкина, ничуть не похожего на добермана.

Сотрудники имели право размещать объявления бесплатно, и их объявление «Собака, маленькая, пятнистая, бесплатно в добрые руки» печаталось две недели кряду. Желающих не находилось. «Спортсмены», которые уже внесли залог за новое жилье и сидели на чемоданах, в отчаянии насе-

ли на меня в кафетерии.

– Или ты, или обратно в приют, – заявили они.

– Дома не гадит?

Парни беспокойно переглянулись.

– Типа того, – ответил первый.

– По большей части, – добавил второй.

– Вещи не грызет?

Опять переглянулись.

– Он любит грызть собачьи лакомства, – проговорил первый.

Второй как воды в рот набрал, из чего я сделала вывод, что Нифкин, пожалуй, не откажется и от туфель, ремней, кошельков... в общем, что попадется.

– Научился ходить на поводке или до сих пор рвется? И как думаете, будет откликаться на что-нибудь кроме Нифкина?

И снова гляделки.

– Слушай, Кэнни, – наконец произнес один, – ты ведь знаешь, каково собакам в приютах... Разве что кто-нибудь еще поверит, что он доберман. А это вряд ли.

Я забрала его к себе. И, разумеется, первые месяцы нашего совместного проживания Нифкин тайком гадил в углу гостиной, прогрызал дыру в диване и метался, как припадочный кролик, стоило прицепить к ошейнику поводок. Перебравшись в Филадельфию, я решила, что отныне все будет иначе. Я установила Нифкину жесткий распорядок: выгул в

семь тридцать утра, затем еще один в четыре часа дня (за это я платила соседскому мальчишке двадцать баксов в неделю) и коротенький моцион перед сном. Спустя полгода муштры Нифкин почти перестал грызть все вокруг, справлял нужду исключительно на улице и вполне чинно трусил на поводке, отвлекаясь разве что на белку или скейтбордиста. За такие успехи я разрешила ему запрыгивать на мебель – он сидел со мной на диване, когда я смотрела телик, и каждую ночь спал на подушке рядом с моей головой.

– Ты любишь пса больше, чем меня, – жаловался Брюс.

И это правда, я страшно балую Нифкина всевозможными игрушками, флисовыми свитерочками, косточками и деликатесами. И, стыдно признаться, у него есть даже обтянутый такой же джинсовой тканью, что и у меня, маленький диванчик, где он спит, пока я на работе. А еще надо заметить, что Брюс терпеть не мог Нифкина и никогда не удосуживался его выгулять. Я возвращалась домой после тренажерного зала, катания на велосипеде, долгого рабочего дня... и видела, как Брюс валяется у меня на диване (часто с бонгом под рукой), а Нифкин гнездится на подушке с таким видом, будто вот-вот лопнет.

– Он гулял? – спрашивала я, и Брюс стыдливо пожимал плечами. После дюжины подобных случаев я просто перестала спрашивать.

Фото Нифкина стоит на заставке моего рабочего компьютера, и я подписалась на онлайн-рассылку «Вестник кры-

солова», но воздержалась от того, чтобы отправить им его снимки. Пока что.

Лежа в постели, мы с Брюсом часто сочиняли истории из жизни Нифкина. Я считала, что он родился в зажиточном английском семействе, однако отец от него отрекся, застав на сеновале с конюхом в недвусмысленной позе, и сослал в Америку.

– Может, он работал оформителем витрин, – размышлял Брюс, обнимая меня одной рукой.

– Голубая богема, – проворковала я и прижалась теснее. – Держу пари, тусовался в «Студии 54»⁶.

– Наверное, знал Трумэна⁷.

– И ходил в сшитых на заказ костюмах, с тростью в руке.

Нифкин смотрел на нас как на чокнутых, потом уходил в гостиную. Я тянулась за поцелуем, и мы с Брюсом вновь пускались вскачь.

Если я спасла Нифкина от «спортсменов», объявлений и приюта, он в той же степени спасал и меня от одиночества, давал мне причину вставать по утрам, и он меня любил. Хотя бы за наличие больших пальцев и умение открывать ему консервы. Да и неважно. Вполне достаточно того, как он по ночам укладывал рядом с моей головой мордочку, вздыхал и закрывал глазки.

Утром после посещения клиники я прицепила к ошейни-

⁶ «Студия 54» – знаменитый ночной клуб на Западной 54-й улице Нью-Йорка.

⁷ Гарри Трумэн (1884–1972) – 33-й президент США (1945–1953).

ку Нифкина его поводок-рулетку, сунула в правый карман полиэтиленовый пакет из супермаркета, а в левый – четыре собачьих печенюшки и теннисный мячик. Нифкин уже скакал как бешеный, сигал с моего дивана на свою лежанку, с реактивной скоростью несясь по коридору в спальню и обратно, лишь изредка замирая для того, чтобы лизнуть меня в нос. Каждое утро было для него праздником. «Ура! – казалось, радовался Нифкин. – Уже утро! Обожаю утро! Утро! Пошли гулять!» Я наконец вывела его за дверь, но он все равно продолжал гарцевать, мешая мне выудить из кармана очки от солнца и нацепить на нос. И мы зашагали по улице: Нифкин едва ли не танцевал, а я тащилась сзади.

Парк почти пустовал. Лишь два золотистых ретривера обнюхивали кусты, а на углу маячил надменный кокер-спаниель. Я спустила Нифкина с поводка, и пес вдруг безо всякого повода с истошным лаем ринулся прямиком на спаниеля.

– Нифкин! – заорала я, зная, что как только до чужой собаки останется полметра, он замрет, фыркнет со всем презрением, гавкнет еще пару раз, а потом оставит цель в покое. Я это прекрасно понимала, и Нифкин тоже, и даже, скорее всего, сам спаниель. По своему опыту скажу, что собаки обычно игнорируют Нифа в боевом запале, ведь он крохотный и совсем не грозный, хоть и старается. А вот хозяин поднапрягся, увидев несущийся на его любимца пятнистый, скалящий зубы снаряд.

– Нифкин! – снова позвала я, и пес, в кои-то веки меня

послушав, остановился как вкопанный. Я поспешила к псу, стараясь держаться с достоинством, подхватила его на руки, взяла за шкурку и по заветам «Коррекции поведения», глядя в глаза, несколько раз повторила: – Нельзя! Фу!

Ниф взвизгнул, недовольный тем, что его забаву прервали. Спаниель робко вильнул хвостом, а на лице хозяина спаниеля отразилось изумление.

– Нифкин? – переспросил он.

По глазам видно, готовился задать следующий вопрос. Интересно, хватит смелости? Я поспорила сама с собой, что да.

– Вы знаете, что такое нифкин?

Счет один – ноль в пользу Кэнни. Нифкин, как мне поведали студенческие друзья моего братца, – это область между мошонкой и анусом. Вот как песеля обозвали спортивные журналисты.

Я старательно изобразила недоумение:

– А? Это его кличка. А она что-то означает?

Парень весь вспыхнул.

– Э-э... да. Это... э-э... сленговое слово.

– И что же оно значит? – старательно изобразила невинность я.

Он переступил с ноги на ногу. Я выжидающе на него смотрела. Нифкин тоже.

– Эм... – начал парень и умолк.

Я таки решила сжалиться.

– Да знаю я, что такое «нифкин». Пес достался мне от первых хозяев, – и я выдала сокращенную версию его истории. – А когда поняла, что это за кличка, было уже поздно. Я пыталась называть его Нифти... и Напкин... и Рипкен... в общем, на что фантазии хватало. А он отзывается только на одно.

– Жесть, – рассмеялся парень. – Я – Стив.

– Я – Кэнни. А как зовут вашу собаку?

– Санни.

Нифкин и Санни осторожно друг друга обнюхали, мы со Стивом обменялись рукопожатием.

– Только перебрался сюда из Нью-Йорка, – сказал он. – Я инженер...

– К семье?

– Нет. Я холост.

Мне понравились его ноги. Загорелые, умеренно волосатые. И эти дурацкие сандалии на липучках, которые в то лето носил каждый первый. Шорты цвета хаки, серая футболка. Симпатичный.

– Не хотите как-нибудь выпить пива? – предложил он.

Симпатичный и очевидно не испытывающий отвращения к потной женщине в теле.

– Да, конечно. Было бы здорово.

Из-под козырька бейсболки мелькнула улыбка. Я оставила ему свой номер телефона, стараясь не строить особых иллюзий, но тем не менее довольная собой.

Дома я насыпала Нифкину его корм, сама поела хлопьев, почистила зубы и устроила себе небольшую дыхательную гимнастику, чтобы успокоиться перед интервью с Джейн Слоун, выдающей себя женщиной-режиссером, о которой я буду писать статью для следующего воскресного выпуска. В знак уважения к ее славе и потому что мы встречались в шикарном ресторане «Четыре сезона», я подошла к вопросу наряда особенно тщательно и с трудом, но втиснулась сразу в утягивающее белье и колготки с утягивающим верхом. Разобравшись с животом, натянула льдисто-голубую юбку, такого же цвета жакет со стильными пуговицами в форме звездочек и массивные черные лоферы, обязательный хипстерский атрибут. Помолилась о силе и самообладании, а еще чтобы Брюс переломал пальцы в какой-нибудь странной производственной аварии, чтобы он точно больше никогда ничего не написал. Потом я вызвала такси, схватила блокнот и отправилась в «Четыре сезона».

В «Филадельфия икзэминер» я освещаю Голливуд. И это не так просто, как можно подумать, потому что Голливуд в Калифорнии, а я, увы, нет.

Однако я не сдаюсь. Пишу о трендах, сплетнях, брачных игрищах звезд и старлетов. Делаю обзоры и даже время от времени беру интервью у редких знаменитостей, когда те в рамках рекламного марш-броска снисходят до появления и на Восточном побережье.

Меня занесло в журналистику после окончания колледжа со степенью по английскому и без каких-либо планов на жизнь. Я хотела писать, а газеты были одним из немногих мест, где мне бы за это платили. Так вот, в сентябре после выпуска меня приняли на работу в крошечное издание Центральной Пенсильвании. Средний возраст репортера составлял двадцать два года. Стажа на всех нас в сумме было меньше двух лет – и это ох как сказывалось.

В «Сентрал Вэлли таймс» я отвечала за пять школьных округов, пожары всех мастей, автомобильные аварии... ну и все остальное, если удавалось выкроить время. За это мне платили солидные триста баксов в неделю – при хорошем раскладе на жизнь хватало. Но, разумеется, хороший расклад выпадал весьма редко.

Далее меня перевели на свадьбы. «Сентрал Вэлли таймс» оставалась в числе последних газет в стране, где до сих пор бесплатно публиковались длинные описания церемоний – и (горе мне, горе) платьев невест. Шов «принцесса», алансонское кружево, французская вышивка, украшения из бисера, сборчатый турнюр... я набирала эти термины так часто, что запрограммировала под них клавиши быстрого доступа. Всего нажатие – и в тексте целая фраза: «вышивка речным жемчугом» или «пуф из тафты цвета слоновой кости».

Однажды, когда я устало печатала очередные свадебные объявления и размышляла о несправедливости бытия, я наткнулась на слово, которое не могла разобрать. Многие на-

ши невесты заполняли бланки от руки. Конкретно эта вывела слово с обилием завитушек, которое напоминало что-то вроде «мор-пеха».

Я показала бланк Раджи, еще одному репортеру-неофиту.
– Что здесь написано?

Он сощурился на фиолетовые чернила.

– Мор-пеха, – прочитал он медленно. – Как морская пехота?

– А если речь про платье?..

Раджи пожал плечами. Он вырос в Нью-Йорке, отучился в Школе журналистики Колумбийского университета. Повадки жителей Центральной Пенсильвании были ему чужды. Я вернулась обратно за свой стол, а Раджи – к мучительному набору школьного меню на целую неделю.

– Картофельные шарики, – услышала я его вздох. – Вечно эти картофельные шарики.

И я опять осталась наедине с «мор-пеха». В графе «Контакты» невеста нацарапала домашний номер. Я взялась за телефон.

– Алло? – отозвался бодрый женский голос.

– Здравствуйте, – начала я, – это Кэндис Шапиро из «Вэлли таймс». Мне нужна Сандра Гэрри...

– Сэнди у аппарата! – прошебетала женщина.

– Сэнди, я веду рубрику свадебных объявлений, читала ваш бланк и увидела слово... «мор-пеха»?

– Морская пена, – быстро ответила Сэнди; на фоне слы-

шались восклицания ребенка «Ма-а!» и, кажется, мыльная опера по телику. – Цвет моего платья.

– А-а, – выдала я. – Ну, это мне и нужно было узнать, спасибо...

– Правда, наверное... а как вы думаете, люди знают, что такое морская пена? В смысле, вот какой цвет вам приходит на ум?

– Зеленый? – рискнула предположить я. Мне очень хотелось свернуть беседу. В багажнике машины ждали три корзины грязного белья. Не терпелось уже выйти из офиса, сходить в спортзал, постираться, купить молока. – Пожалуй, даже бледно-зеленый.

– А вот как бы и нет, – вздохнула Сэнди. – Я думаю, в нем больше синевы. Девушка в салоне «Брайдал барн» сказала, что цвет называется «морская пена», а это звучит как-то ближе к зеленому, как мне кажется.

– Можем написать «синий», – предложила я и снова услышала вздох. – Голубой?

– Понимаете, он не совсем синий. Когда говоришь синий или голубой, всем сразу представляется цвет неба или морской синий, а у меня он не темный, ну как сказать...

– Бледно-голубой? – подкинула я вариант, перебирая весь диапазон синонимов, почерпнутых из объявлений. – Ледяной? Аквамариновый?

– Мне просто кажется, что все это не совсем подходит, – чопорно настаивала Сэнди.

– Хм. Тогда, может, вы еще подумаете, а потом перезвоните...

И тут Сэнди заплакала. Из трубки доносились всхлипывания, заглушившие и мыльную оперу, и ноющего ребенка, который виделся мне с ушибленным пальцем и липкими щеками.

– Я просто хочу, чтобы все прошло как надо, – проговорила Сэнди между рыданиями. – Знаете, я так долго ждала этого дня... чтобы все прошло идеально... а сама не могу даже назвать цвет своего платья...

– Ох, ну что вы, – пробормотала я, чувствуя себя до смешного беспомощной. – Не все так плохо...

– А может, вы сюда приедете? – все еще плакала Сэнди. – Вы же репортер, да? Посмотрели бы на мое платье и сказали как правильно.

Я подумала о грязном белье, о планах на вечер.

– Пожалуйста? – тихонечко взмолилась Сэнди.

Я вдохнула. Ну, стирка может и подождать, а мне уже было любопытно. Кто эта женщина и как человек, неспособный толком написать «морская пена», сумел найти любовь?

Я спросила, как добраться, мысленно прокляла себя за мягкотелость и пообещала явиться через час.

Сказать по правде, я ожидала, что окажусь в трейлерном парке. В Центральной Пенсильвании таких полно. Однако Сэнди жила в настоящем доме в стиле кейп-код – малень-

ком, белом, с черными ставнями и пресловутым заборчиком из штакетника. На заднем дворе красовались новенькие качели, валялись оранжевый водяной бластер и забытый трехколесный велосипед. На подъездной дорожке блестел черный пикап. На пороге уже маячила Сэнди – лет тридцати, с усталым лицом, но полными надежды огромными глазами василькового цвета. Словно куколка с тонкими, как ниточки сахарной ваты светлыми волосами и крошечным вздернутым носиком.

Я выбралась из машины с блокнотом в руке. Сэнди улыбнулась мне сквозь сетчатую дверь. Ногу женщины обхватили две маленькие ручонки, затем показалась и тут же скрылась детская мордашка.

Мебель в доме была дешевенькая, но кругом царила чистота и уют. На кофейном столике из шпона лежали стопки журналов – об оружии, машинах, спорте. Пол в гостиной от стены до стены устилал светло-голубой ковер, а в кухне – белый линолеум, сплошной пласт, с нанесенным в виде отдельных плиток рисунком.

– Хотите газировки? Я как раз собиралась попить, – застенчиво произнесла Сэнди.

Я не хотела газировки. Я хотела увидеть платье, определиться с цветом и в путь дорогу с миром, чтобы успеть к началу «Мелроуз Плейс». Но Сэнди пребывала в отчаянии, да и жажда меня все-таки мучила, так что я села за кухонный стол под висящей на стене вышивкой крестиком «Благосло-

ви этот дом!» и положила рядом блокнот.

Сэнди глотнула из стакана, тихонько рыгнула, прикрывшись ладошкой, закрыла глаза и покачала головой.

– Простите, пожалуйста.

– Нервничаете из-за свадьбы?

– Нервничаю, – повторила Сэнди и хохотнула. – Милая моя, да я просто в ужасе!

– Потому что... – Тут я ступала на зыбкую почву. – Вам уже случалось переживать всю эту свадебную суматоху?

Сэнди покачала головой:

– Не такую. Первый раз вышел тайным, с побегом. Это было, когда я узнала, что беременна Тревором. Поженились у мирового судьи в Болд-Игл. Я тогда надела платье с выпускного.

– Оу, – отозвалась я.

– Второй раз, – продолжила Сэнди, – свадьбы вообще не было. С отцом Дилана мы, если можно так сказать, жили в гражданском браке. Семь лет.

– Дилан – это я! – пропищал голосок из-под стола, следом высунулась мордочка. – Мой папа в армии.

– Все так, милый. – Сэнди рассеянно взъерошила светлые волосики сына, потом веско на меня посмотрела и одними губами произнесла: «В тюрьме».

– Оу, – снова отозвалась я.

– За угоны, – прошептала Сэнди. – Ничего слишком уж страшного. Ну и, собственно, я встретила Брайана, моего же-

ниха, когда навещала отца Дилана.

– А Брайан... – тогда я только начинала понимать, как ценно для репортера суметь в нужный момент выдержать паузу.

– Выходит завтра по условно-досрочному. Сидел за мошенничество.

Судя по гордости в ее голосе – по шкале крутости оно стояло на ступеньку выше кражи авто.

– Так вы познакомились в тюрьме?

– На самом деле, до этого мы какое-то время переписывались. Он дал объявление... сейчас, я его сохранила!

Сэнди вскочила, отчего наши стаканы застучали по столу, и вернулась с ламинированным клочком бумаги, размером не больше почтовой марки. «Джентльмен-христианин, высокий, атлетически сложенный, Лев по гороскопу, ищет чуткую подругу для переписки, а может, и большего» – гласил текст.

– Он получил двенадцать ответов, – сообщила Сэнди, сияя. – Сказал, что мой понравился ему больше всего.

– А что вы написали?

– Чистую правду. Что я мать-одиночка. Что моим сыновьям нужен пример для подражания.

– И вы думаете...

– Он будет хорошим отцом.

Сэнди снова села и уставилась в свой стакан, словно он содержал тайны веков, а не обычную выдохшуюся колу.

– Я верю в любовь, – твердо отчеканила Сэнди.

– А ваши родители... – начала я.

Она помахала рукой, словно отгоняя саму мысль о них.

– Отец ушел, когда мне было четыре, что ли. Осталась мама и чередка ее бойфрендов. Папочка Рик, папочка Сэм, папочка Аарон. Я поклялась, что не стану такой же. И я не такая. Я думаю... я знаю... что на этот раз не ошиблась.

– Мам!

Дилан, с красными от «Кул-эйда» губами, держал за руку брата. И если Дилан был низеньким, худеньким и светленьким, то второй мальчик – судя по всему, Тревор – отличался от него более крепким телосложением, темным цветом волос и задумчивостью на лице.

Сэнди встала и робко мне улыбнулась.

– Вы подождите здесь, – попросила она. – Мальчики, а вы пойдемте со мной. Покажем леди репортеру мамочкино красивое платье!

После всего услышанного – тюрьма, мужа, объявление от христианина – я ожидала увидеть эдакий жуткий распродажный ширпотреб. «Брайдал барн» как раз таким и славился.

Но платье оказалось прекрасным. Облегающий лиф на косточках, как у сказочной принцессы, усыпанный крошечными кристалликами, на которых играл свет, глубокое декольте, открывающее гладкую кожу груди, волны шуршащего тюля. У Сэнди покраснели щеки, синие глаза сверкали. Она была похожа на фею-крестную Золушки, на добрую волшеб-

ницу Глинду. Тревор с важным видом завел мать на кухню, напевая марш Мендельсона, а Дилан реквизировал ее фату и нацепил себе на голову.

Сэнди встала на свету и покружилась. Подол юбки зашелестел над полом. Дилан рассмеялся, хлопая в ладошки, а Тревор восхищенно уставился на мать с распущенными волосами, ниспадающими на обнаженные плечи. А та все кружилась и кружилась, и сыновья глядели на нее, как зачарованные.

– Так что думаете? – спросила Сэнди.

Она совсем зарумянилась и запыхалась, и каждый тяжелый вздох заставлял грудь слегка выпирать из плотно подогнанного лифа. Сэнди еще разок повернулась, и я заметила вышитые по всей спине крошечные розовые бутончики, словно надутые младенческие губки.

– Синее? Зеленое?

Я долго изучала Сэнди – ее налившиеся румянцем щеки, молочную кожу, – и восторг в глазах ее детей.

– Вообще-то я не уверена, – заключила я, – но что-нибудь придумаю.

Срок сдачи материала я, разумеется, пропустила. Редактор отдела городских новостей ушел домой задолго до того, как я вернулась. Сэнди показала мне фотографии Брайана, рассказала все об их планах на медовый месяц, почитала сыновьям детскую книжку «Там, где живут чудовища» и расцеловала их в лоб и обе щеки перед сном, а потом плеснула

нам в колу бурбона – себе на палец, а мне вполовину меньше. «Брайан хороший человек», – мечтательно говорила Сэнди. Кончик ее зажженной сигареты порхал в кухне, будто светлячок.

Мне оставили всего семь-восемь сантиметров газетного пространства под нечетким снимком улыбающейся Сэнди. Я села за компьютер, чувствуя легкое головокружение, открыла стандартную форму с пробелами для заполнения: имя невесты, имя жениха, имена свидетелей, описание платья. Затем зажала клавишу «Esc», стерла все, глубоко вздохнула и набрала следующее:

Завтра в церкви Девы Марии Милосердной на Олд-Коллелд-роуд Сандра Луиз Гэрри выйдет замуж за Брайана Перро. Невеста пройдет к алтарю с волосами, заколотыми антикварными гребнями из горного хрусталя, и пообещает любить, почитать и лелеять Брайана, чьи письма она хранит под подушкой и перечитывает так часто, что они стали тоньше крыла бабочки.

«Я верю в любовь», – говорит она, хотя циник приведет все основания, что делать этого ей не стоит. Первый муж ее бросил, второй сидит в тюрьме – той же, где она встретила Брайана, чье УДО начинается за два дня до свадьбы. В своих письмах он зовет Сандру своей голубкой, ангелом совершенства. На кухне, держа в руке последнюю из трех сигарет, которые Сандра позволяет себе каждый вечер, она говорит, что Брайан – принц.

Невесту поведут к алтарю ее сыновья, Дилан и Тревор. Цвет ее платья – морская пена, идеальное сочетание самого светлого синего и самого светлого зеленого. Не белое, цвета невинности, девушки-подростка, голова которой забита сахарной романтикой, не слоновой кости, где белизна смешивается со смирением. Это платье цвета грез.

Что ж, слегка вычурно, малость претенциозно и перегружено. Платье цвета грез? Да там пробу «недавняя выпускница курса писательского мастерства» ставить негде. Следующим утром, придя на работу, я увидела на клавиатуре копию страницы и обведенный жирным красным карандашом неформатный фрагмент. «ЗАЙДИ» – гласила пометка из одного слова на полях, сделанная, вне всяких сомнений, нашим главредом Крисом, рассеянным южанином, которого заманили в Пенсильванию перспективой перехода в более крупное издание (и бесподобной ловли форели). Я робко постучала в дверь его кабинета. Крис знаком разрешил мне войти. На его столе тоже лежала копия моей заметки.

– Вот это. – Тощий палец ткнул в лист. – Это что такое было?

Я пожала плечами:

– Просто... ну, я встретилась с этой женщиной. Набирала ее объявление, но не смогла разобрать слово, поэтому позвонила, а потом приехала к ней и... – Я умолкла. – Подумала, что выйдет неплохой сюжет.

Крис поднял на меня взгляд:

– Правильно подумала. Хочешь продолжить?

И вот звезда родилась... ну, вроде того. Раз в две недели я находила невесту и печатала о ней короткую колонку – кто она такая, какое будет платье, церковь, музыка и последующая вечеринка. Но прежде всего я писала о том, как мои невесты приходили к решению выйти замуж, что побуждало их встать перед священником, раввином или мирским судьей и связать себя навек.

Я встречала молодых невест и старых, слепых и глухих, девочек-подростков, приносивших клятвы первой любви, и циничных двадцатилетних женщин, идущих под венец с мужчинами, которых они называли отцами своих детей. Я посещала свадьбы, которые были в жизни невест первыми, вторыми, третьими, четвертыми, а однажды даже пятой. Я видела феерию на восемьсот гостей – свадьбу гуляли ортодоксальные евреи, мужчины и женщины танцевали в отдельных залах, и присутствовало аж восемь раввинов (к концу вечера все они щеголяли в сверкающих париках а-ля Тина Тернер). Я видела пару, которая женилась на соседних больничных койках после автомобильной аварии, оставившей женщину парализованной. Я видела, как невесту бросили у алтаря, как ее лицо скривилось, когда шафер, бледный и серьезный, пересек церковь и что-то прошептал сначала на ухо ее матери, а потом и ей.

Какая ирония, понимала я уже тогда. Пока мои сверстни-

ки вели модные, полные сарказма колонки от первого лица для зарождающихся онлайн-журналов о жизни одиночек в больших городах, я вкалывала в крошечной провинциальной газетенке, которая в цепочке эволюции СМИ была динозавром глубоко на грани вымирания, да еще и прорабатывала не что-нибудь, а свадьбы. Как старомодно! Как очаровательно!

Но я не смогла бы писать о себе, как делали мои одноклассники, даже если бы захотела. По правде говоря, на ведение хроники собственной сексуальной жизни мне попросту не хватало духу. Да и не было никакого желания выставить напоказ, пусть даже в печати, такое тело. И потом, секс не интересовал меня так, как брак. Я хотела понять, каково это, быть частью пары, как набраться смелости взять кого-то за руку и перепрыгнуть через зияющую пропасть. Я брала историю каждой невесты – каждый сбивчивый рассказ о том, как они познакомились, куда ходили и когда все поняли, – прокручивала в голове вновь и вновь в поисках торчащей ниточки, невидимого шва, трещинки, которую можно расковырять, чтобы вывернуть эту самую историю наизнанку и вычленив истину.

Если вы читали эту крошечную газетенку в начале девяностых, то наверняка видели, как я маячу где-то с краю на сотне самых разных свадебных фотографий – в синем льняном платье, простеньком, чтобы не привлекать внимания, но нарядном в знак уважения к торжеству. Или сижу среди гостей, с блокнотом в кармане, и пристально всматриваюсь в

сотню самых разных невест – старых, молодых, черных, белых, тощих и не очень – в поисках ответов. Как понять, что парень – тот самый? Как можно доверять настолько, чтобы навек связать себя с кем-то и искренне в этом клясться? Как можно верить в любовь?

Спустя два с половиной года свадебного бдения мои заметки умудрились попасть на стол нужного редактора в тот самый момент, когда крупная ежедневная газета моего родного города, «Филадельфия икзэминер», решила сделать вопросом первостепенной важности привлечение читателей «поколения икс», и молодой репортер обязательно приманит их одним только своим наличием. Так они и пригласили меня вернуться в город, где я родилась, и, став их глазами и ушами, следить за жизнью филадельфийской молодежи.

Две недели спустя «Икзэминер» счел, что привлечение читателей «поколения икс» затея совершенно бессмысленная, и вернулся к отчаянным попыткам увеличить тираж среди мамаш-наседок из пригородов. Но ущерб уже был нанесен. Меня уже наняли. Так что жизнь была хороша. Ну, по большей части.

С самого начала единственным большим недостатком моей новой работы стала Габби Гардинер. Массивная древняя тетка с шапкой голубовато-белых кудряшек, в очках с толстыми грязными стеклами. Если я – дама крупная, то она – сверхразмерная. Нам бы, можно подумать, объединиться

против общих угнетателей, вместе бороться ради выживания в мире, где любую женщину размера больше М считают уродливой и нелепой. Подумать – и ошибиться.

Габби ведет в газете колонку светской хроники и занимает этот пост, о чем очень любит напоминать мне и всем остальным в пределах слышимости, «дольше, чем ты живешь на этом свете». И в этом одновременно и ее сила, и ее слабость. У Габби целая сеть источников, охватывающая оба побережья и два десятилетия. Но десятилетия эти, к сожалению, были шестидесятыми-семидесятыми. Габби перестала заморачиваться где-то между избранием Рейгана президентом и появлением кабельного телевидения, так что ее радар не регистрирует целую вселенную, начиная с канала «Эм-Ти-Ви» и так далее, в отличие, скажем, от Элизабет Тейлор.

Если говорить о возрасте, то Габби где-то от шестидесяти и выше. У нее нет ни детей, ни мужа, ни намека на сексуальную (или вообще какую бы то ни было) жизнь за пределами редакции. Она питается голливудскими сплетнями, а к действующим лицам своих материалов относится не иначе как с благоговением. Она пишет о звездах, которых освещает из третьих рук, переписывая фрагменты изрыгаемых таблоидами Нью-Йорка и «Вэрайети» сплетен так, будто те ее близкие, закадычные друзья. Что было бы грустно, располагай Габби Гардинер к себе хоть чуточку. А она не располагает.

Однако ей везет. Везет, что большинству читателей «Ик-

эминера» за сорок и они горят желанием узнать что-нибудь новенькое, так что ее колонка «Потремим с Габби» остается в числе самых популярных в нашем разделе, о чем она никогда не преминет упомянуть во весь голос (якобы потому что глухая, но я свято верю: Габби дерет глотку только потому, что так она бесит окружающих гораздо сильнее, чем если бы просто говорила нормально).

Первые несколько лет моей работы в «Икзэминере» мы друг друга не трогали. Ситуация, к сожалению, обострилась прошлым летом, когда Габби взяла двухмесячный отпуск, подлечить какую-то мерзкую болячку (я уловила только слово «полипы», а потом Габби и ее друзья пронзили меня жгучими, полными ненависти взглядами, и я удрала из комнаты доставки, так и не забрав нужный мне выпуск «Тин пипл»). В отсутствие Габби вести ее колонку поручили мне. Она проиграла войну, но выиграла битву: этой дряни сохранили название «Потремим с Габби», но добавили коротенькую заметку постыдно мелким кеглем, что Габби «в командировке» и ее «заменяет штатный сотрудник Кэндис Шапиро».

– Удачи, малышка, – великодушно пожелала Габби, приковыляв к моему столу, чтобы попрощаться. И при этом сияла так, будто последние две недели не обрабатывала редакторов, чтобы те позволили ей присылать колонку на почту, а не давали шанс мне, пока ей, предположительно, убирают полипы. – К слову, я передала всем своим лучшим источникам, чтобы звонили тебе.

Потрясающе, подумала я. Горячие сплетни об Уолтере Кронкайте. Жду не дождусь.

На этом и дело, казалось бы, с концом, но нет. Каждое утро, с понедельника по пятницу, я вся предвкушала дежурный звонок от Габби.

«Бен Аффлек? – хрипло переспрашивала она. – Что такое Бен Аффлек?»

Или вот: «“Камеди Централ”? Его никто не смотрит».

Или вот, с нажимом: «Вчера видела Элизабет в ток-шоу. Почему у нас тишина на эту тему?»

Я старалась ее игнорировать – отвечать по телефону вежливо и время от времени, когда Габби становилась особенно сварливой, завершать колонку фразой, мол, «Габби Гардинер вернется в конце сентября».

Но однажды утром она позвонила, когда меня не было за столом, и услышала фразу на моем автоответчике, которая звучала примерно так: «Привет, вы позвонили Кэндис Шапиро, обозревателю светской хроники газеты “Филадельфия икзэминер”». Я и не догадывалась, какую оплошность допустила, пока к моему столу не нагрянул главред.

– Ты всем говоришь, что ты обозреватель светской хроники? – поинтересовался он.

– Нет, – ответила я. – Не говорю. Я же просто замещаю.

– Вчера вечером звонила Габби, злая, как черт. Поздно вечером, – подчеркнул главред, намекая, что ненавидит, когда его сон тревожат. – Она считает, что ты внушаешь лю-

дям, будто она ушла навсегда и ты заняла ее место.

Тут я пришла в замешательство.

– Я понятия не имею, о чем она.

Главред снова вздохнул.

– О твоём автоответчике, – пояснил он. – Не знаю, что у тебя там записано, и, честно говоря, даже не хочу знать. Просто исправь сообщение так, чтобы Габби больше не будила мне жену и детей.

После работы я поплакалась Саманте («Она просто насквозь закомплексована», – заметила та и вручила мне, надувшейся, как мышь на крупу, ведерко наполовину растаявшего сорбета). Потом я бушевала, позвонив Брюсу («Да поменяй ты чертову запись, Кэнни!»). Я последовала его совету и выдала следующий вариант: «Вы позвонили Кэндис Шапиро, временному, непостоянному, непродолжительному, просто заменяющему, ни в коем случае не навсегда исполняющей обязанности обозревателя светской хроники газеты “Филадельфия икзэминер”».

Габби позвонила следующим утром.

– Шикарная запись, малышка, – одобрила она.

Но не простила. Вернувшись из отпуска, Габби стала именовать меня Евой, как в фильме «Все о Еве»⁸, – если вообще заговаривала. Я же просто пыталась не обращать на нее вни-

⁸ Американский фильм 1950 года. По сюжету главная героиня, стареющая бродвейская звезда, нанимает молодую помощницу Еву, которая постепенно выживает ее со сцены.

мания и сосредоточиться на внештатной деятельности: рассказах, набросках к роману и «Звездной болезни», киносценарии, над которым я корпела уже многие месяцы. «Звездная болезнь» – романтическая комедия о девушке-репортере в большом городе, которая влюбляется в знаменитого мужчину, у которого берет интервью. Они довольно мило знакомятся (она, таращась на него во все глаза в баре отеля, падает с высокого стула), неудачно продолжают (он принимает ее за очередную тучную фанатку), потом влюбляются и, преодолев закономерные сложности третьего акта этой истории, счастливо обнимаются на фоне титров.

Прототипом знаменитости стал Адриан Штадт, симпатичный комик из телешоу «Субботний вечер!», чье чувство юмора во многом как будто совпадало с моим, даже с учетом его незабвенной роли фонтаном блюющего пилота. Я смотрела его выступления на протяжении всей учебы в колледже и после, думая, что, окажись он здесь или я там, мы бы наверняка отлично ладили. Девушкой-репортером, понятное дело, я сделала себя, только назвала ее Джози, перекрасила в рыжий и дала гетеросексуальных, глубоко и прочно женатых родителей.

На сценарий я возлагала большие надежды. То был мой ответ на все мои хорошие оценки, каждому учителю, который говорил о моем таланте, каждому профессору, который утверждал, что у меня есть потенциал. И что еще лучше, этой сотней страниц я утирала нос миру (и собственным тайным

страхам), который твердил мне, что пышные женщины не могут попадать в приключения или влюбляться.

И сегодня я запланировала кое-что весьма дерзкое. За обедом в «Четырех сезонах» мне предстояло взять интервью у актера Николаса Кея, звезды грядущего фильма «Братья Белч», молодежной комедии о братьях-близнецах, которым отыжка придает магическую силу. И, что более важно, я брала интервью еще и у Джейн Слоун, которая этот фильм спродюсировала (зажимая одной рукой нос, как мне виделось).

Джейн Слоун была моей героиней. Прежде чем скатиться к грубой коммерции, она сама написала и сняла несколько самых остроумных и веселых фильмов, которые когда-либо видел Голливуд. А что еще лучше – в этих фильмах были остроумные, веселые женщины. Я неделями отвлекала себя от страданий по Брюсу, по кирпичикам выстраивая подробную фантазию о том, как мы встретимся, и Джейн сразу же увидит во мне родственную душу, потенциального компаньона, сунет свою визитку, настаивая, чтобы я связалась с ней в ту же секунду, как решу переключиться с журналистики на сценарное дело. Я даже не сдерживала улыбки, воображая, как озаряется лицо Джейн, когда я скромно признаюсь, что у меня и правда лежит рукопись одного сценария и я готова ее отправить, если Джейн Слоун захочет с ней ознакомиться.

Она пишет, так и я тоже пишу. Она остроумная, так и я такая же. Правда, Джейн Слоун к тому же богата, знаменита

и достигла успеха, о котором я не смела даже мечтать, да и в талии была не шире одного моего бедра, но сестринская солидарность, напомнила я себе, великая сила.

Спустя почти час после моего прибытия и сорок пять минут, как мы должны были встретиться, Джейн Слоун, усевшись напротив меня, поставила рядом с тарелкой большое зеркальце и большую спортивную бутылку минеральной воды без газа.

– Добрый день, – произнесла Джейн гортанным голосом сквозь стиснутые зубы, а потом от души побрызгала в лицо из бутылки.

Я сощурилась в ожидании кульминации, которая обратит происходящее в шутку, но ее не последовало. Николас Кейсел рядом с Джейн и улыбнулся.

– Простите нас за опоздание.

Выглядел он так же, как и на экране телика, – сущий милашка. Джейн Слоун тем временем яростно отпихнула масленку, одним небрежным взмахом развернула сложенную в форме лебедя салфетку и тщательно вытерла лицо. Только вернув салфетку, теперь в бежевых, алых и черных разводах, на стол, великий режиссер соизволила заговорить.

– Этот город, – заявила она, – погибель для моих пор.

– Простите, – выдала я и, как только слово слетело с губ, почувствовала себя идиоткой. За что я извинялась-то? Я же ничего ее порам не сделала.

Джейн томно взмахнула бледной ручкой, мол, мои извинения за Филадельфию значат для нее не больше споры плесени, а потом взяла серебряный нож и принялась тыкать им в масло, выложенное цветочком в масленке, которую только что изгнала к моей половине стола.

– Так что вы хотите знать? – Джейн даже не подняла глаз.
– Э-э...

Я торопливо полезла за блокнотом и ручкой. У меня был целый список вопросов, подготовленный заранее, начиная от принципов, которыми она руководствовалась при выборе актеров на роль, и заканчивая тем, что на нее повлияло, как на творца, и что она любила смотреть по телику, но теперь в голове почему-то остался только один.

– Как у вас родилась идея фильма?

Джейн так и не оторвалась от масленки.

– Увидела по телевизору.

– В ночном комедийном шоу на Эйч-би-оу? – услужливо подсказал Николас Кей.

– Позвонила режиссеру. Сказала, что нужно снять. Он согласился.

Ну класс. Так вот как делается кино. Странная мелкая маслоненавистница, эта повелительница тьмы Эльвира с бутылкой для орошения себя любимой делает один звонок и – вуаля, фильм!

– Так вы... написали сценарий?

И снова взмах призрачной ручки.

– Курировала.

– Мы наняли нескольких парней из «Субботнего вечера!», – добавил Николас Кей.

Вдвойне класс. А я не только в шоу не работала, так еще и не парень. Я тихонько простилась с мыслью рассказать Джейн о своем сценарии. А то они всю дорогу до Питтсбурга ржать надо мной будут.

Подошел официант. Джейн и Николас хмуро уставились каждый в свое меню. Официант бросил на меня полный отчаяния взгляд.

– Я буду осособуко, – отозвалась я.

– Отличный выбор, – просиял официант.

– Я буду... – начал Николас.

Долгая, до-о-олгая пауза. Официант ждал, с ручкой наготове. Джейн все тыкала ножом в масло. У меня по шее сползла капелька пота, прокатилась по спине и впилась в трусы.

– Вот этот салат, – наконец разродился Николас, тыкая пальцем.

– Конечно, сэр, – наклонившись посмотреть, с облегчением произнес официант. – А для дамы?

– Латук, – буркнула Джейн.

– Салат? – не понял несчастный.

– Латук, – повторила Джейн. – С красными листьями, если есть. Мытый. Подать с уксусом отдельно. И листья ни в коем случае не резать. Только порвать. Вручную.

Официант быстро нацарапал указания и сбежал. Джейн

Слоун медленно подняла взгляд. Я снова затеребила блокнот.

– Эм-м...

Латук, думала я. Она обедает латуком, а я буду сидеть перед ней и телятину наворачивать. И что самое страшное, я никак не могла сообразить, о чем эту даму спрашивать.

– Назовите ваш любимый эпизод из фильма? – наконец выдавила я.

Ужасный вопрос на уровне новичка из школьной газеты, но все же лучше, чем ничего. Джейн наконец улыбнулась – слабо и мимолетно, и тем не менее. Потом покачала головой.

– Не могу. Слишком личное.

Господи, помоги мне. Спаси. Обрушь на «Четыре сезона» воюющий торнадо, чтоб повыдирал бизнесменов из-за столов, перебил фарфор. А то я тут умираю.

– И какие дальшие планы?

Джейн пожала плечами, напустив загадочности. Пояс моих утягивающих колготок сдал позиции и сполз на бедра.

– Мы вместе работаем кое над чем, – предложил тему Николас. – Я собираюсь написать сценарий... с парой друзей из колледжа... а Джейн покажет его студиям. Хотите послушать?

И он принялся увлеченно описывать то, что, на мой взгляд, звучало как самый тупой фильм на свете – что-то про парня, который наследует отцовскую фабрику по изготовлению подушек-пердушек, а партнер отца его подставляет, но в

конце концов парень и лихая уборщица празднуют победу. Я записывала, не вслушиваясь, моя правая рука механически скользила по странице, а левая переправляла еду из тарелки в рот. Джейн тем временем разделила свой латук на две кучки: в одну пошли в основном листья, в другую – в основном стебли. Покончив с этой частью, она на треть опустила зубцы вилки в уксус, затем осторожно подцепила один листик и ловко положила в рот. Процедура повторилась ровно шесть раз – Николас успел смести весь салат и пару кусков хлеба, а я проглотила половину осособуко – восхитительное, несмотря ни на что, блюдо, – после чего Джейн насухо промокнула губы салфеткой, взялась за нож и снова принялась тыкать им в масло.

Протянув руку, я отодвинула масленку подальше. Больше не могла на это смотреть и надо же было хоть что-то сделать, потому что интервью катилось псу под хвост.

– Прекратите, – строго сказала я. – Масло перед вами ничем не провинилось.

Повисла тишина. Многозначительная такая. Ледяная, зияющая, словно излом. Джейн Слоун вперилась в меня мертвым взглядом черных глаз.

– Молочка, – выплюнула она так, словно это ругательство.

– Третья по величине производственная отрасль в Пенсильвании, – парировала я, понятия не имея, так ли это. Впрочем, звучало похоже на правду. Мне вечно попадались коровы, когда велосипедная прогулка уводила меня на пять

и больше километров от города.

– У Джейн аллергия, – быстро встрял Николас.

Он улыбнулся своему режиссеру, взял ее за руку, и тут меня осенило: они встречаются. Пусть ему двадцать семь, а ей... господи, да она как минимум на пятнадцать лет старше. Пусть в нем видно человеческие черты, а в ней... нет.

– Что еще?

– Расскажите... – Я запнулась. При виде их переплетенных пальцев у меня отказал мозг. – Расскажите о фильме что-нибудь такое, чего еще никто не знает.

– Некоторые сцены снимали на той же площадке, что и «Шоугерлз», – ответил Николас.

– Это из пресс-релиза, – вдруг произнесла Джейн.

Я знала, но решила вежливо промолчать и убраться отсюда к черту, пока не узнала, что сделает женщина, которая на обед съедает шесть листьев салата, если ее спросят, не желает ли она что-нибудь на десерт.

– Расскажу вам кое-что, – продолжила режиссер. – Девушку из цветочного магазина играет моя дочь.

– Правда?

– Первая роль, – кивнула Джейн, почти гордая, почти застенчивая. Почти настоящая. – Я ее отговаривала... Она уже и так одержима своей внешностью...

«Откуда бы это в ней взялось», – подумала я, но снова промолчала.

– Я больше никому не говорила. – Уголки губ Джейн дрог-

нули. – Но вы мне нравитесь.

Упаси боже ей не понравиться.

Я попыталась подобрать слова для приемлемого ответа, как Джейн вдруг встала и потянула за собой Николаса.

– Удачи, – пробормотала она, и парочка стремительно покинула ресторан.

Как раз, когда к столику подкатили тележку с десертами.

– Мадемуазель что-нибудь желает? – участливо спросил официант.

Разве можно меня винить за то, что я сказала «да»?

* * *

– Ну? – поинтересовалась Саманта по телефону тем же днем.

– Она обедала латуком! – простонала я.

– Салатом?

– Латуком. Просто латуком. С уксусом. Я чуть не умерла.

– Просто латуком?

– Просто латуком, – повторила я. – С красными листьями. Она прямо подчеркнула. И постоянно прыскала в лицо водой.

– Кэнни, ты выдумаешь.

– Я тебе клянусь! Мой голливудский идол – чудила с латуком, эта... эта Эльвира с татуажем век...

Саманта бесстрастно слушала.

– Ты плачешь.

– Не плачу, – соврала я. – Просто разочарована. Я думала... ну, знаешь... что мы найдем общий язык. И я покажу ей свой сценарий, но я никогда никому его не покажу, потому что не училась ни с кем из актеров «Субботнего вечера!», а сценарии читают только у таких! – Я опустила взгляд. В полку плохих новостей прибыло. – А еще у меня на жакете соус от оссобуко.

Саманта вздохнула:

– Думаю, тебе нужен агент.

– Я не могу его найти! Поверь, я пыталась! Они на твои работы даже не взглянут, пока по ним что-нибудь не снимут, а продюсеры не взглянут на то, что им поступит не от агента. – Я принялась яростно тереть глаза. – Неделя дерьмо.

– Почта! – радостно объявила Габби.

Она уронила стопку бумаг мне на стол и удалилась вразвалочку. Попрощавшись с Сэм, я занялась корреспонденцией. Пресс-релиз. Опять пресс-релиз. Факс, факс, факс. Конверт с моим именем и фамилией, выведенными почерком, который я уже давно научилась определять как принадлежащий Злому Старикашке. Я вскрыла письмо.

«Дорогая мисс Шапиро, – гласили дрожащие буквы, – Ваша статья о Селин Дион – самая грязная, мерзкая дрянь из всех, что я прочитал за пятьдесят семь лет, будучи преданным подписчиком «Икзэминера». Мало Вам было высмеять музыку Селин как «напыщенные, затянутые баллады», так

Вам понадобилось еще и поиздеваться над ее внешностью! Готов поспорить, Вы сами далеко не Синди Кроуфорд. Искренне Ваш, мистер И. П. Дейффингер».

– Эй, Кэнни.

Господи Иисусе. Габби вечно подкрадывалась ко мне сзади. Для такой массивной глухой старухи она могла передвигаться тихо, как кошка, когда ей это выгодно. Я обернулась, и точно – Габби шурилась на письмо, которое я держала на коленях.

– Где-то ошиблась? – засочился ее голос тонной сочувствия, густого и ненатурального, как сырный соус. – Придется публиковать опровержение?

– Нет, Габби, – ответила я, стараясь не сорваться на крик. – Просто не сошлись во мнениях.

Я бросила письмо в мусорное ведро и так быстро оттолкнулась с креслом от стола, что колесики чуть не проехали по ногам Габби.

– Черт! – прошипела она и ретировалась.

«Дорогой мистер Дейффингер, – принялась я сочинять достойный ответ. – Может, я и не супермодель, но мне, по крайней мере, хватает мозговых клеток, чтобы отличить дерьмо на слух».

«Дорогой мистер Дейффингер, – продолжала я набрасывать варианты, преодолевая два с половиной километра, которые разделяли редакцию и Центр по проблемам веса и нарушения пищевого поведения, где меня ждало первое заня-

тие для толстяков. – Мне жаль, что Вы так обиделись на мое описание трудов Селин Дион, ведь я искренне считала, что это я еще проявила великодушие».

Я гневно протопала в конференц-зал, выбрала себе место за столом и огляделась. Увидела Лили, из приемной, и черную женщину моих габаритов, но постарше, с трещащим по швам дипломатом и карманным устройством для чтения электронной почты, в которое она увлеченно тыкала. Заметила девочку-подростка, ее длинные светлые волосы придерживал ободок, а тело скрывалось под слишком уж просторной футболкой и мешковатыми джинсами. Еще в конференц-зал следом за мной вошла женщина лет шестидесяти, которая весила, наверное, как минимум под двести кило. Она передвигалась при помощи трости и, прежде чем сесть, внимательно осмотрела стулья, словно прикидывала, выдержат ли они такую тушу.

– Привет, Кэнни! – подала голос Лили.

– Привет, – буркнула я.

На белой доске кто-то заранее вывел слова «Порционное питание», на стене висел постер с пищевой пирамидой. «Опять это дерьмище», – подумала я и задалась вопросом, а не слинять ли мне с занятия. Я, в конце концов, уже была у «Весонаблюдателей». Я уже все знала про порционное питание.

В конференц-зале появилась тощая медсестра, знакомая мне по все той же приемной, и принесла целую охапку ми-

сок и мерных стаканчиков, а также маленький пластмассовый макет свиной отбивной весом в сто граммов.

– Всем добрый вечер, – поздоровалась медсестра и написала на доске свое имя. – Я Сара Притчард, дипломированная медицинская сестра.

Мы тоже по очереди представились. Блондинку звали Бонни, чернокожую – Анита, а очень толстую – Эстер из Вест-Оук-Лейн.

– Я как будто опять в колледж перенеслась, – прошептала Лили, пока медсестра Сара раздавала буклеты с таблицами калорий и распечатки с рекомендациями по коррективке пищевого поведения.

– А я к «Весонаблюдателям», – шепнула я в ответ.

– Вы и у них пробовали? – придвинулась к нам блондинка Бонни.

– В прошлом году.

– Программа «Успех на раз, два, три»?

– «Жир и клетчатка», – шепотом ответила я.

– А это не про овсянку? – поинтересовалась Эстер на удивление приятным голосом – очень низким, теплым, лишенным жуткого филадельфийского акцента, заставляющего местных глотать согласные, будто те сделаны из шоколадной тянучки.

– Нет, это «Фрукты и клетчатка», – заметила блондинка.

– «Жир и клетчатка» – это где надо считать граммы жира и клетчатки в каждом продукте, чтобы съесть за день сколько

нужно клетчатки, но не превысить по жирам, — пояснила я.

— Сработало? — подключилась к разговору Анита, откладывая карманный компьютер в сторону.

— Не-а. Но тут, наверное, моя вина. Постоянно путала, чего надо меньше, чего надо больше... а потом узнала, что брауни с повышенным содержанием клетчатки вроде как делают из железной стружки или что-то в таком духе...

Лили прыснула от смеха.

— Там в каждом калорий до фи́га и больше, но я решила, что это неважно, потому что в них почти нет жира и очень много клетчатки...

— Распространенная ошибка, — бодро сообщила медсестра Сара. — Важны как жиры, так и клетчатка, но нельзя забывать и про общее количество потребляемых калорий. На самом деле все просто. — Она повернулась к доске и нацарапала уравнение сродни тем, что ставили меня в тупик в одиннадцатом классе. — Потребляемые калории против расходовемых. Если потреблять больше, чем сжигать, то вес растет.

— Правда? — вытаращилась я, и медсестра недоверчиво на меня уставилась. — Вы это серьезно? Все настолько просто?

— Э-э... — начала она и умолкла.

Я смекнула, что медсестра наверняка привыкла, что толстушки сидят себе кротко, как перекормленные овечки, улыбаются, кивают и благодарно впитывают премудрости, глядя на нее робко и восхищенно, потому что ей повезло родиться худенькой. Эта мысль мигом привела меня в ярость.

– Значит, если я буду съедать меньше калорий, чем я сжигаю... – Я хлопнула себя ладонью по лбу. – Господи! Ну наконец-то до меня дошло! Я все поняла! Я исцелена! – Я вскочила и вскинула руки к небесам; Лили сдавленно засмеялась. – Спасена! Спасибо вам, Иисус и Центр по проблемам веса и нарушения пищевого поведения, за то, что вы сняли с моих глаз шоры!

– Ладно, – согласилась медсестра. – Мы вас поняли.

– Черт. – Я опустила обратно. – Уже хотела было спросить, можно ли мне идти домой.

– Послушайте, – вздохнула медсестра. – Все дело в том, что существует масса осложняющих каждый конкретный случай факторов... и наука пока может объяснить далеко не все. Мы знаем про разный обмен веществ, что тела одних людей стремятся удержать накопленное куда сильнее, чем у других. Мы знаем, что все это непросто. Я бы никогда не стала утверждать обратное.

Она смотрела на нас, часто дыша. А мы смотрели на нее.

– Простите, – наконец нарушила я тишину. – Я вспылила. Просто... ну, не хочу говорить за остальных, но я все это уже слышала.

– Угу, – подтвердила Анита.

– И я, – кивнула Бонни.

– Толстые люди не равно глупые, – продолжила я. – Но каждая программа похудения, которую я пробовала, считает нас таковыми. Как будто если объяснить, что запеченная

курица полезней жареной в масле, йогурт лучше мороженого, а вместо поедания пиццы можно расслабиться в горячей ванне, мы все вдруг превратимся в Кортни Кокс.

– Именно, – поддакнула Лили.

На лице медсестры читалась досада.

– Я ни в коем случае не считаю вас глупыми. Диета – это часть процесса. Физическая нагрузка – тоже, пусть и не такая существенная, как считалось раньше.

Я нахмурилась. Вечно мне везет как утопленнику. Я столько каталась на велосипеде и ходила пешком, столько ходила с Самантой в тренажерный зал. Короче, физическая нагрузка была единственной составляющей здорового образа жизни, которой мне удавалось придерживаться.

– А сегодня, – продолжила медсестра, – мы поговорим о порционном питании. Вы знали, что большинство ресторанов подают порции, значительно превышающие рекомендации Министерства сельского хозяйства о нормах, рассчитанных для многих женщин на целый день?

Медсестра принялась расставлять тарелки со стаканчиками. Я мысленно застонала.

– Правильная порция белка, – проговорила Сара медленно и громко, как обычно делают воспитатели в детских садах, – составляет сто граммов. Кто скажет, сколько это?

– Кусок размером с ладонь, – буркнула Анита и в ответ на удивленный взгляд медсестры пояснила: – Курсы от Дженни Крейг.

Сара глубоко вздохнула.

– Очень хорошо! – Ей пришлось сделать над собой видимое усилие, чтобы сохранить воодушевляющий, жизнерадостный вид. – Так, а как насчет порции жира?

– На кончике большого пальца, – буркнула уже я, и медсестричка изумленно распахнула глаза. – Послушайте, мы все это уже знаем... Я права?

Я оглядела стол. Все закивали.

– Единственное, зачем мы все здесь собрались, единственное, что может предложить нам ваша программа, – это препараты. Так мы их получим сегодня или придется сидеть тут и делать вид, будто вы рассказываете нам что-то новое?

Досада (и легкое пренебрежение) на лице медсестры сменилась злостью (и не таким уж легким страхом).

– Есть определенный порядок лечения. Мы уже объясняли. Четыре недели занятий по коррекции пищевого поведения...

Лили принялась ритмично случать кулаком по столу.

– Пре-па-ра-ты! Пре-па-ра-ты!

– Мы не можем просто так раздавать рецептурные медикаменты...

– Пре-па-ра-ты! Пре-па-ра-ты! – присоединились к скандированию блондинка Бонни и Эстер.

Медсестра открыла рот, потом захлопнула его.

– Я позову доктора. – И она выбежала из зала.

Мы впятером переглянулись. А потом разразились хохотом.

том.

– Перепугалась! – довольно заухала Лили.

– Подумала, наверное, что мы ее раздавим, – пробормотала я.

– Сядем на нее! – выдохнула Бонни.

– Ненавижу худых, – добавила я.

– Не говорите так, – вдруг серьезно сказала Анита. – Нельзя никого ненавидеть.

– Угу, – вздохнула я, и на пороге зала как раз возник доктор Кей. Прищученная медсестричка следовала за ним по пятам, едва ли не цепляясь за край белого халата.

– Как понимаю, возникла проблема, – пророкотал доктор.

– Препараты! – выкрикнула Лили.

Судя по выражению лица, доктор ужасно хотел рассмеяться и очень-очень сдерживался.

– От лица вашего движения кто-нибудь выступит? – поинтересовался он.

Все уставились на меня. Я встала, расправила юбку, откашлялась.

– Я полагаю, и остальные меня в этом поддержат, что все мы уже бывали на самых разных лекциях, и курсах, и заседаниях касательно коррекции пищевого поведения.

Я оглядела собравшихся за столом, женщины согласно закивали.

– Мы считаем, что уже пытались изменить свое поведение, и меньше есть, и больше двигаться, и все прочее, что

нам говорили делать. И чего нам действительно хотелось бы... ради чего мы сюда пришли, за что мы все вам заплатили – это что-нибудь новенькое. А именно – препараты, – заключила я и села обратно.

– Что ж, я понимаю ваши чувства, – произнес доктор.

– Очень сомневаюсь, – резко возразила я.

– Тогда, может, вы со мной ими поделитесь, – предложил он кротко. – Послушайте, я не то чтобы знаю секрет, как похудеть раз и навсегда, и пришел к вам поделиться. Воспринимайте эту программу как путешествие... как дело, за которое мы беремся вместе с вами.

– Вот только наше путешествие привело нас в чудесный мир одиноких ночей и магазинов для толстых, – проворчала я.

Доктор мне улыбнулся – очень уж обезоруживающе.

– Давайте на время забудем про толстых и тонких. Если вы, дамы, уже знаете, где сколько калорий и как должна выглядеть порция пасты, тогда, я уверен, вы имеете представление, что большинство диет не помогают. По крайней мере, в долгосрочной перспективе.

Тут-то он и завладел нашим вниманием. Верно, мы все пришли к такому же выводу (по большей части из личного горького опыта), но услышать из уст авторитетного человека, врача во главе программы по снижению веса... да это же граничило с ересью. Я почти ждала, что в конференц-зал сейчас ворвутся охранники, чтобы уволочь доктора на про-

мывку мозгов.

– Я думаю, – продолжал он, – что нам всем повезет куда больше – и мы станем куда счастливей, – если вместо этого будем думать о маленьких изменениях в образе жизни. О мелочах, которые можем делать ежедневно и которые в долгосрочной перспективе не окажутся разрушительными. Если мы устремимся к лучшему здоровью, к принятию себя, а не к внешности как у Кортни...

Доктор глянул на меня, вопросительно вскинув брови.

– Кокс, – подсказала я. – Вернее, Кокс Аркетт. Она вышла замуж.

– Точно. Она самая. Забудьте о ней. Давайте сосредоточимся на достижимом. И обещаю, никто здесь не будет обращаться с вами, словно вы глупы, независимо от габаритов.

Я осталась невольнo тронута его речью. В словах дока и правда был смысл. А что еще лучше – он не говорил с нами свысока. Это был... принципиально новый подход, честное слово.

Медсестричка напоследок одарила нас недовольным взглядом и поспешила прочь. Закрыв дверь, доктор сел за стол.

– Я хочу проделать с вами одно упражнение. – Он посмотрел на каждую по очереди. – У кого из вас бывает так, что вы едите, даже когда не испытывает голода?

Гробовая тишина. Я закрыла глаза. Заедание стресса. И эту лекцию мне тоже читали.

– Кто завтракает и потом, например, приходит на работу, а там коробка пончиков, и они такие вкусные на вид, что вы съедаете один просто потому, что они у вас под рукой?

Снова тишина.

– «Данкин донатс» или «Криспи крим»? – наконец спросила я.

Доктор поджал пухлые губы.

– Не думал об этом.

– А это имеет значение, – заметила я.

– «Данкин донатс», – обозначил доктор.

– Шоколадный? С джемом? В глазури, от которого кто-то из бухгалтерии оторвал половинку, а вторую оставил?

– У «Криспи крим» вкуснее, – вставила Бонни.

– Особенно теплые, – добавила Эстер.

Я облизнулась.

– Когда я последний раз ела пончики, – продолжила Эстер, – кто-то как раз принес их на работу, и я выбрала тот, что похож на бостонский пирог с кремом... такой, знаете, залитый шоколадом?

Мы закивали. Мы все знали, как опознать такой пончик с первого взгляда.

– А потом я откусила, и он оказался, – Эстер скривила губы, – лимонным.

– Фу, – ужаснулась Бонни. – Ненавижу лимонные!

– Ладно, – смеясь, заключил доктор. – Я вот к чему: пусть даже это лучшие пончики в мире. Ваш платонический идеал

пончиковости. Но если вы уже позавтракали и, в сущности, не голодны, то, по-хорошему, вы должны быть в состоянии пройти мимо.

Мы на минуту задумались.

– Куда там, – наконец фыркнула Лили.

– Может, вам стоит попробовать говорить себе, что когда вы действительно проголодаетесь и если вам действительно захочется именно пончик, тогда можно пойти и взять один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.